

АЛЕКСАНДР ЛОГАЧЕВ
МИХАИЛ ЛОГИНОВ

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ РОССИИ

ЗОЛОТОЙ ФОНД
ИЗДАТЕЛЬСТВА

КРЫЛОВ

Александр Логачев
Белое солнце России

«Крылов»

2004

Логачев А.

Белое солнце России / А. Логачев — «Крылов», 2004

Жизнь «черного археолога» полна опасностей. Незаконные раскопки могут завести далеко, очень далеко, например... в прошлое. И хорошо бы забросило в тихий уютный мир. Так нет – в самое пекло, в историческое лихолетье. И носило героя от выжженных полей империалистической войны до революционной Москвы. И везде приходилось несладко. Как можно не потерять себя в такой круговерти, не лишиться присутствия духа и просто выжить, тем более, если ты человек из другой эпохи? Трудно, конечно. Но можно.

© Логачев А., 2004

© Крылов, 2004

Содержание

Пролог	6
Часть первая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Александр Логачев, Михаил Логинов

Белое солнце России

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

И-и раз...

Нечего тут было делать нормальному человеку. Совершенно нечего.

Даже солнце и то не жаловало Черные болота – светило над ними словно бы нехотя, мол, с какой такой радости, спрашивается, тратить живительную энергию на этот безлюдный и бесплодный край?

Алексей вогнал саперную лопатку в коричневую от торфа землю. В этот раз с местом пофартило – здесь грунт брался легко, не приходилось перерубать корни и тупить лопату о камни. Правда, скоро пойдет глина, и тут уж придется малость попотеть... Ну, да это все мелочи!

Махнув штыком лопаты, откинул землю в сторону. Снова всадил отточенное железо в грунт. Всадил – откинул... И так день напролет. И никто не даст гарантии, что ты не лопатишь землю вхолостую. Что не напрасно подкармливаешь своей кровушкой болотных комаров.

Нет, не было сомнений в том, что в земле лежит-покоится нечто металлическое, миноискатель зря пищать не будет. Только это может быть что угодно. Например, прокопченный туристский котелок, неразорвавшаяся авиабомба или ржавый плуг вместе с трактором и трактористом. Или – чем черт только не шутит! – закопано здесь золото ацтеков, вовремя сбегавших от конкистадоров с мексиканщины на Новгородчину. Короче говоря, ничему уже не удивится Алексей после десяти-то лет, отданных «черной археологии». Вот разве удивится откопанному на краю болота инопланетному звездолету. Хотя... почему бы тут, спрашивается, и не валяться инопланетному звездолету?

В очередной раз вонзившись в грунт, лопата наконец на что-то напоролась, проскрежетала по чему-то плоскому. Что ж, до зевоты знакомая ситуация: под кожей земли удалось нащупать инородный предмет, остается лишь хирургически аккуратно его оттуда извлечь. Руки сами знали, что делать дальше: сперва потыкать лопатой как щупом, постараться определить размеры предмета и его примерный контур, потом снимать грунт пласт за пластом, сметкой зачищая открывающуюся поверхность. И когда поймешь, что там за штукавина, а главное, когда убедишься, что предмет не взрывоопасен, можно обкапывать его со всех сторон и вытаскивать. Как говорится в излюбленной присказке «черных археологов»: то, что один человек закопал, другой всегда откопать сможет.

Сперва показался угол, а скоро стало окончательно ясно, что в земле находится ящик. Алексей поработал еще с полчаса и освободил от земли крышку. И что мы видим? А видим мы добротный железный ящичек, густо обмазанный солидолом, словно его и готовили к длительному хранению в новгородских болотах. Впрочем, правды-матки ради следует уточнить: да, болото рядом, топкие мхи начинаются метрах в двадцати отсюда, но ящик-то закопан на небольшом пригорке, и земля здесь более-менее сухая. Ящик квадратный, со стороной квадрата сантиметров тридцать. Каков он по высоте, сказать можно будет, лишь отрыв его до конца... если это, конечно, потребуется.

На принадлежность к вермахту указывал частично сохранившийся на крышке трафарет: небезызвестный имперский орел и надпись «Trocken Aufbewahren! Gegen Stoss und Fall Schutzen!»¹.

Имеются и еще какие-то словечки и цифирки, но им больше досталось от времени и земельной сырости. Ладно, будет в том нужда, можно поработать над надписью, глядишь, и удастся прочитать до конца.

¹ Беречь от сырости! Оберегать от толчков и падений! (Нем.)

Подобные ящики гитлеровцами под боеприпасы не использовались. Под снаряды, патроны, гранаты, мины и тэдэ предназначались ящики преимущественно деревянные. К тому же Алексей наперечет знал укупорку фашистских боеприпасов не только по внешнему виду, но и по маркировке. А по поводу того, что может находиться внутри обнаруженной тары, кое-какие догадки у Алексея все же имелись. Остается их проверить.

Доступ к вермахтовским тайнам оберегал небольшой висячий замок, в резиновом футляре. Алексей снял футляр и достал из кармана связку, на которой висели как собственно ключи, так и предметы, их успешно заменяющие, в простонародье – отмычки. Перебрав связку, Алексей остановил свой выбор на короткой титановой отмычке. Вставил ее в замочную скважину, покрытую толстым слоем все того же солидола. Повернул.

Оп-паньки! Молодецки щелкнул замочный механизм, и дужка браво отскочила. А ларчик просто открывался! Алексей отомкнул защелки. Все. Оставалось только откинуть крышку.

Отложив связку, лопатку и работу вообще, Алексей закурил. Зажигая спичку, присмотрелся, дрожат ли у него пальцы. Не дрожали. А могли бы и дрожать. Все-таки событие не из рядовых. Оченно похоже на то, что вот так вот просто, буднично, откапывая очередную железяку, без всякой веры в успех, он таки нашел...

Глубоко затянувшись, Алексей осмотрелся. Хорошо, что на Черных болотах человек гость не просто редкий, а наиредчайший. Все деревни, расположенные поблизости, давно уже обезлюдели. А до ближайшего города сто с лихвой километров. Лишь в конце августа у Черных болот наблюдается какое-то оживление – из города приезжают клюквенники, объявляются охотники за пернатой дичью. А сейчас, поскольку на дворе всего лишь конец июня, тут благодать – безлюдье. Благодать, потому что «черному археологу» свидетели нужны не больше, чем рыбе демократия.

Мысли вернулись к сегодняшней находке. Если все так, как он думает, то... То, выходит, третий выезд в здешние края, согласно магии цифры «три», оказался успешным.

Поездка номер один была обычным, «рабочим» выездом на места боев. Обыкновенный поиск оружия и его фрагментов, а также орденов, медалей, нагрудных знаков, эмблем на петлицах, кокард, пуговиц и так далее. Но именно в тот раз Алексей и обнаружил в полукилometре от болот «скелет» легковой машины, в котором он опознал полевою разновидность «мерседеса». Разумеется, не сохранилось ничего кроме изрядно проржавевшего кузова. Однако само наличие машины в подобном месте не могло не удивить.

Первая версия, пришедшая в голову, была такой: когда фашики драпали от наступающих войск Красной Армии, одного из них случайно, допустим по незнанию местности, занесло в эти края, где он благополучно увяз в непролазной грязи российской просеки. Правда, версия тут же обросла сомнениями. Откуда мог драпать гитлеровский офицер (вряд ли это солдаты самостоятельно разъезжали на автомобиле)? Пожалуй, только из Новгорода. Так какого лешего, спрашивается, он рванул навстречу наступающему врагу? Ну разве что совсем спятил от страха, во что верится с трудом. Вдобавок немцы отступали не поодиночке, а колоннами, и надо было очень и очень постараться, чтобы столь кардинально перепутать направление. На смену первой версии пришла версия вторая: автомобиль увяз здесь задолго до решающего наступления Красной армии. Скажем, какой-нибудь интендант или офицер комендатуры ездил по деревням оккупированного района, и ненароком занесло его в эту глухомань, где он и застрял. Но в таком случае автомобиль должны были вытащить. Подогнать если не танк или тягач, то хотя бы грузовик, подцепить и уволочь поближе к ремонтным базам. Немцы не разбрасывались машинами налево и направо.

Тогда Алексею пришла на ум версия третья: когда запахло жареным, некий фриц в офицерском чине, случайно оказавшийся в этих краях и имевший при себе... ну, скажем так, нечто, решил эту представляющуюся ему ценной вещь здесь же и оставить, схоронив в земле на манер пиратских кладов. По каким-то своим фашистским причинам он не хотел брать это

«ничто» с собой в отступление. Фриц не сомневался, что неудачи на восточном фронте – дело временное и рано или поздно «зольдаты» Третьего рейха вернутся на эти земли полновластными хозяевами. И тогда он спокойненько отроет захоронку. Короче, спрятать-то он спрятал, а вернуться на машине в расположение не смог. Возможно, все по той же причине – застрял. И пришлось ему шкандыбать восвояси пешком.

Эта версия, ничем кроме догадок не подтвержденная, Алексея зацепила. Эх, чего уж там греха таить, проще признаться – нет такого «черного копателя», который не мечтал бы однажды вырыть клад. К тому же если не выгорит с кладом, то всегда остается добыча попроще. И действительно, за три выезда на Черные болота Алексей кое-что нарыл. Так, мелочевку: летчицкий планшет, клинковый штык от автоматической винтовки системы Симонова, не до полной безнадёги проржавевший немецкий пистолет-пулемет «Ноймюнстер», красноармейские звезды и нагрудный знак немецкой полевой жандармерии. А также множество гильз, осколков бомб и снарядов. Но сегодня, похоже, он вытащил счастливый билет... Стоп, стоп! Радоваться раньше времени не следует. Так недолго и вспугнуть пугливую птицу удачи.

Алексей загасил окурок, тщательно растер его каблуком. Присел возле ящика. Он не торопился, смаковал приятный пограничный момент: сундук с кладом открыт, в душе расцветает пышным цветом букет радужных надежд, а поскольку крышка сундука еще не открыта, то эти надежды пока целы и невредимы, живы и здоровы. Алексею доселе подобные ящики не попадались. Не исключено, что фашики их использовали для хранения и перевозки документов. Возможно, в этом железном вместилище отыщутся секретные бумаги с печатями рейхсканцелярий и подписями штандартенфюреров и оберштурмбанфюреров. А иные бумаги подороже некоторых ценных вещей будут. Допустим, с автографами Гиммлеров, Борманов и прочих знаменитых ублюдков. Немецкие архивы неплохо платят за их каракули. Ладно, хорош мечтать, пора... И он откинул крышку.

Сверху, подтверждая версию о документах, лежала черная, тонкой кожи папка. Алексей взял ее в руки. Легкая – видимо, действительно бумаги. Под папкой обнаружилась деревянная коробка, похожая на сигарную. И все, больше ничего внутри ящика не было. Ящик, как Алексей и предполагал, оказался не слишком глубок.

Алексей отложил папку в сторону, интереснее было начать с коробки, коробку не терпелось вскрыть... аж зубы сводило от нетерпения. Где ж еще держать сокровища, как не в такой коробке!

Крышка долго сопротивлялась, словно срослась со стенками... или сговорилась со стенками подольше помучить кладоискателя. Пришлось доставать из ножен на поясе финку (между прочим, доподлинный финский пуукко, найденный под Выборгом, в местах, где проходила знаменитая линия Маннергейма). Поддетая лезвием крышка поддалась. Ну, ну! И что там у нас за сокровища?

А вот такого он, пожалуй, не ожидал. Уж никак не ожидал. Хотя вроде бы, как ему казалось, был готов ко всему: от древесных углей до золотых червонцев.

В коробке же лежала... темная от старости деревянная фигурка. Осторожно, словно опасаясь, что дерево от неаккуратного движения рассыплется в труху, Алексей извлек резную поделку из коробки. «Языческий божок» – вот что первым пришло в голову при взгляде на фигурку. Оно и не удивительно: от дерева этой прям-таки, как от фиалки ароматом, разлило древностью, а кого могли вырезать в свободное от добывания огня время питекантропы, как не своих идолов и кумиров? Вот и получается – языческий божок.

Божок смахивал на дауна: здоровенная голова посажена на короткое туловище, тонкие ручки сложены на вздутом животе. Добавьте сюда лысую голову, ноздреватый нос, острые ушки. И еще – огромный рот, растянутый в широченной улыбке. Но улыбка какая-то неприятная, какая-то глумливая, что ли. И вообще, малосимпатичный тип, такому в наше просвещенное время поклоняться как-то и неохота.

Алексей не был силен в языческих культах, не его специализация. Может, он держит сейчас верховное божество маленького и давным-давно вымершего народа, а может, это попытка древнеславянского Папы Карло вырезать из подходящего полена первого на Руси Буратино.

Но вот что делал этот Буратино в фашистском ящике? Фрицу-то эта деревяшка на что? Если он ее прибрал для своей коллекции диковин с оккупированных земель, то зачем тогда зарывать? Таскал бы за собой в походном ранце, тяжесть не великая. Или фашик взял себе в голову, что завладел чем-то по-настоящему ценным? Настолько ценным, что попадись божок на глаза другим образованным фрицам, те не смогли бы устоять перед искушением, пошли бы на любое преступление, дабы завладеть деревяшкой? Да, други, вопросов хватает.

И вот еще вопрос, но уже скорее не из истории, а из физики: от божка исходит странное тепло, будто держишь не лежавшее в земле, а нагретое июльским солнцем дерево. Как такое может быть?

Блин!

Алексей не обернулся только потому, что с нервами у него все было в полном порядке. А так было отчего занервничать. На землю перед ним упала тень. Вернее, не упала, а напоздла сзади. Тень человека.

Алексей продолжал вертеть в руках фигурку, стараясь ничем себя не выдать. Револьвер – шестизарядный британский «Веблей № 1» – в рюкзаке. Нож на поясе, ножны сдвинуты на бок, опустишь к ним руку – однозначно насторожишь. Но есть еще саперная лопатка, заточенная не хуже казацкой сабли. Она воткнута в землю на краю раскопа. Разве можно усмотреть что-то противоестественное в том, что археолог тянется к лопате? А про то, что археолог умеет метать саперную лопатку, как ниндзя сюрикены, не каждый знает, не каждый догадается. Между прочим, весьма полезное умение, когда занимаешься таким опасным промыслом.

Нет, Алексей не впал внезапно в паранойю. Лесной народ – охотники, ягодники с грибниками да и свой брат-археолог – обязательно еще издали бы окликнули: «Эй, приятель! Не помешаю?» или «Бог в помощь». Или просто привлекли бы внимание свистом. Жизненный опыт «черного археолога» подсказывал: истории, начинающиеся с того, что к тебе бесшумно подкрадываются со спины, как правило, ничем хорошим не заканчиваются.

Алексей положил фигурку поверх так и не открытой кожаной папки. Похлопал ящик по металлическому боку, замерил веткой глубину тары, ковырнул пальцем землю – всеми действиями давал понять тому, кто за спиной, что всего-навсего намерен отрыть ящик полностью, для чего нужна лопатка, а как же без нее! И Алексей потянулся к лопатке...

– Не суетись. Не советую, – раздался за спиной голос. И клацнул затвор.

А вот теперь Алексей обернулся. Хотя и так узнал говорившего. Этот голос он ни с каким бы другим не спутал.

– Привет, Апостол. Давненько не пересекались, – сказал Алексей, вставая на ноги и зачем-то отряхивая колени от налипшей грязи. – Выходит, верно про тебя говорили, что ты бросил ковырять землю и ушел к крысятникам.

– Просто я перешел в другой бизнес, Леший. В поисках новых ощущений, – ухмыльнулся Апостол, держа Алексея под прицелом обреза. Он всегда любил обрезы...

– И нашел их?

– Ага. А теперь давай посмотрим, что ты нашел.

Длинное черное кожаное пальто Апостола было расстегнуто, что позволяло разглядеть висящий у него на груди мощный армейский бинокль. Он действовал по всем правилам науки грабить и убивать: долго, терпеливо выслеживал, мозоля зенки об окуляры, выжидал, пока жертва приведет его к добыче, добудет для него эту добычу, сделает всю черновую работу, чтобы самому только и оставалось – прийти и взять.

Кого другого Апостол уже непременно уложил бы выстрелом в спину и сейчас перебирал бы добычу. Ведь такова теперь его профессия – грабить «черных археологов», своих бывших

коллег. Да, другой копатель на месте Алексея уже схлопотал бы пулю из обреза, стыл бы сейчас, скрючившись, на сырой земле, но просто и незатейливо убить Алексея Федорова, известного среди «черных археологов» под прозвищем Леший, Апостол не мог. Сперва он должен сполна был насладиться сладким мигом торжества. Слишком долго тянулось их противостояние, чтоб закончиться столь быстро и банально.

А тянется их противостояние с того самого года, когда от Алексея ушла жена, хотя здесь-то Апостол совершенно ни при чем... Там другая история. («У всех мужья как мужья – утром уходят на работу, вечерами приходят домой! Этот же может взять и укатить на неделю, на две, дескать, работа у него такая! А я, значит, сиди как дура и жди его! Сиди и гадай, вернется – не вернется! Завалил дом ржавыми железяками, того и гляди какая-нибудь рванет! А если не рванет, то в один прекрасный день посадят за эти автоматы и пистолеты. А может, ты не по лесам, а по бабам разъезжаешь, а?!») Ну и так далее, известная история с известным финалом.)

Именно в тот злополучный год они впервые схлестнулись с Апостолом на Ладоге. Потом судьба их сводила во время поисков «платинового У-2» на реке Оредеж и в той знаменитой эпопее с колчаковским золотом в Уссурийской тайге. И наконец, в истории с большим дележом питерского рынка «черного оружия» и «черных раритетов» они оказались по разные стороны бандитских баррикад.

Сегодня, похоже, в их противостоянии будет поставлена черными чернилами жирная точка.

– Ну-ка брось мне ту штуку, что вертел в руках! – сказал Апостол, кивнув подбородком в сторону божка, лежащего на кожаной папке.

Алексей протянул руку к деревянному уродцу, взял его, подержал на ладони, не спеша расставаться. Пристально взглянул в глаза своему старому врагу:

– За последний год шестеро наших сгинули без вести... Твоя работа?

Апостол криво усмехнулся:

– Кидай, кидай, Леший, не отвлекайся.

Алексей кидать не торопился, Алексей прокачивал свои шансы. Шансов было немного, впрочем, как и времени, чтоб ими воспользоваться. Апостол медлить с финальным выстрелом не станет – уж он-то знает, что с Лешим заигрывать опасно...

– Держи! – крикнул Алексей.

Божок взмыл в воздух по высокой дуге, вертясь в полете. Апостол вытянул левую руку, готовясь поймать фигурку. Дуло обреза мотнулось, на миг теряя цель. И Алексей прыгнул. Падая, выдернул из земли «саперку», перекатился, вскочил и с ходу метнул...

Бабахнул выстрел.

Какие-то черные ошметки закружились в воздухе.

Клацнул упавший обрез.

Оседал на землю Апостол, схватившись обеими руками за черенок саперной лопатки, вонзившейся ему в шею.

У Алексея же в голове стоял звон, будто это не голова, а оживший Царь-колокол, а от уха за шиворот текла теплая и липкая жидкость.

И еще: от земли, рождаясь где-то посередине между решившими свой спор поединщиками, поднимались вверх клубы зеленого дыма и закручивались спиралью.

Алексей сел на траву, достал пачку, выщелкнул сигарету, закурил. Жадно затянулся.

Постепенно он стал понимать, что же произошло в эти мгновения... Итак, Апостол выстрелил. И выстрелил метко. Но сегодня плохому парню не повезло, не в его пользу сегодня расположились звезды. Пуля из любимого обреза угодила в деревянного божка, разнесла фигурку в клочья, чуть изменила направление, потеряв при этом и убийную силу, чиркнула Алексея по мочке уха, обожгла и рассадила кожу за ухом. В общем, вреда немного, а с тем, что есть, он легко управится с помощью аптечки. В боковом клапане рюкзака имеется отличная

аптечка, которой позавидуют иные военно-полевые медики. Так что в окопах все спокойно, ждите нас домой живыми.

Но вот что это за дым редкого для дымов салатного цвета?.. Алексей разглядел, что зеленые струи истекают из остатков расколотого пулей божка. Эффект, родственник свечению трухлявых пней? Гниение и всякие там выделяющиеся при этом светящиеся газы?

Зеленые струи достигли Алексея. Он втянул дым ноздрями...

Хм, странный запах, которому не подобрать сравнений. Не сказать, что неприятный, но какой-то слишком резкий, слишком проникающий...

Закружилась голова.

Алексей загасил едва начатую сигарету.

Голова кружилась все сильнее.

Алексей вдруг осознал, что надо перестать вдыхать этот зеленый дым и отойти отсюда как можно дальше, переждать. Он поднялся на ноги, шагнул...

А то и вовсе бежать без оглядки! Если еще не поздно...

Окружающий мир в его глазах завертелся, словно у космонавта после центрифуги, горло сдавило, как тугим ошейником. А еще Алексею почудилось, что неведомая и неумолимая сила тащит его вверх. Или наоборот – тянет за ноги вниз. И нет никакой возможности сопротивляться этой силе.

Никто и не сопротивлялся. Сознание, не в силах вынести превращения мира в увеличивающую обороты центрифугу, почло за лучшее отключиться...

* * *

И-и два...

Он открыл глаза.

Совсем рядом прогремел взрыв, заставив Алексея рефлекторно вжаться в землю, накрыть голову руками и снова закрыть глаза. Сверху тяжелым градом посыпались комья земли.

Он лежал, уткнувшись лицом в теплую и рыхлую землю, пахнущую сыростью, а в голове, как бегущая по экрану телевизора строка, пронеслись предположения: «Рванула граната в кармане Апостола, в последний момент приведенная им в действие. Я сплю и еще не проснулся. Апостол был не один, это его подельник швырнул гранату. В божке был веселящий газ, одурманивший меня, и я сейчас глюкую».

Прогремел еще один взрыв, на этот раз далекий. И еще один. Что творится, люди дорогие?

Алексей поднял голову. Он находился на дне неглубокой воронки. Над головой сквозь дымовую завесу (что была отнюдь не салатного цвета) проступало небо, затянутое облаками цвета танковой брони. Небо мало походило на ту лазурь в белой вате облаков, что мирно висела над Черными болотами. И вообще местность мало походила на Черные болота. Особенно при взгляде из воронки. «Делать в которой совершенно нечего», – сказал себе Алексей и полез вверх.

– Geb gefangen, Russe!² – раздалось сверху. Час от часу не легче.

Алексей поднял голову. Двое стояли на краю воронки. И оба были одеты в германскую полевую форму времен Первой империалистической. Оба рядовые. Каски, винтовки, штыки, подсумки для противогазов и прочее – все из той же эпохи, эпохи кайзера Вильгельма 2-го.

– Да пошли вы, – Алексей устало опустился на землю. – Только вас еще не хватало.

² Сдавайся в плен, русский! (Нем.)

Теперь все понятно. На его голову свалились игрища униформистов. Выезд на природу военно-исторического клуба. Униформисты, играющие в фашистов, после нескольких неприятных историй (когда до смерти, в прямом смысле слова, напугали каких-то селян, а в другой раз сами были побиты деревенскими жителями) предпочитают теперь забираться подальше, в глухомань, в безлюдные места. Кому как не Алексею по прозвищу Леший, одному из тех, кто снабжал исторических игрунов всем необходимым, от пуговиц рядового до генеральских фуражек, знать эту публику.

«Но откуда они взялись на Черных болотах?! Или я, нанюхавшись газу, провалялся настолько долго, что успела испортиться погода и нагрянули эти хлопцы?!»

Алексей запустил пальцы в нагрудный карман, где должны были лежать сигареты.

– Hande hoh!

– Что ты орешь? – поморщился Алексей. Голова ныла, словно с похмелья. Спасибо тебе, веселящий зеленый газ. – Хенде хох, ничего другого выучить не смогли, двоечники, лентяи, а еще...

– Russisch schwein! Donnerwetter!³

Один из униформистов скатился по склону, вскинул винтовку и опустил приклад на голову Алексея.

Так Алексей потерял сознание, едва успев его вновь обрести.

* * *

И-и три...

Сначала были голоса.

– ...ерунда. Какая потеря крови? Капли. Да, соглашусь, легкая контузия вполне вероятна. Ну-у, батенька, я ж вам не пророк Моисей, чтобы сквозь призму настоящего узреть грядущее и описать последствия. Может, и не будет никаких последствий, организм как-никак молодой, крепкий. А может, и аукнется господину хорошему этот карамболь-с. Хе-хе, колбасники приложили ему славно, ото всех прусских щедрот.

– Петр Аркадьич, я бы попросил вас выражаться более пиететно! Речь идет о русском офицере... Не исключено, что о русском офицере.

– Много в вас пороху, голубчик, как погляжу. Этот бы порох из вас повынуть, да в дело пустить, враз бы победили супостата.

– Послушайте!..

Слышно было, как скрипнула дверь. Кто-то вошел, обстучав каблуки о порог.

– Садитесь, поручик. Слышу, все препираетесь, устали не зная? – раздался новый голос. – Вот, пациента вашего пришел проведать, Петр Аркадьич. Как он? Все без сознания?

– Да, без изменений, как видите. Уже полсуток в себя не приходит. Так что не обессудьте, Владимир Константинович, ничего нового вам не скажу.

– Эх, успеть бы его расспросить до... Кхм... Уж больно любопытна мне одежда этого господина! Неужели наконец командование всерьез обеспокоилось обмундированием и экипировкой? Я ведь, Петр Аркадьевич, в свое время серьезно занимался маскировочной одеждой и солдатской экипировкой. Даже с самим Разумовским списывался. Более того, я готовил записку в Генеральный штаб как раз по этому вопросу. В записке я обосновывал несовершенство существующего обмундирования и вносил некоторые предложения. Кхм, вы знаете, Петр Аркадьич, я ведь предлагал в качестве основного полевого варианта приблизительно такую же форму, пятнисто-зеленую, какую мы видим на этом господине. То есть одежду, максимально сливающуюся с ландшафтом. Я разработал несколько вариантов формы в зависимости

³ Русская свинья! Черт побори! (Нем.)

от видов ландшафта. Но увы, увы. Не успел дописать до войны. Успел бы, кабы не застрял на финансовой стороне дела. Но кто станет рассматривать записку, где не указано, во сколько это обойдется казне?

– Эхе-хе, Владимир Константинович, что там говорить – когда грянула война, разом все смешалось. Кони, люди, дом Облонских... Взять меня. Мыслил ли я, уездный доктор, типичный чеховский персонаж, что поменяю подагру помещицы Плющихиной и пятничные чаепития у отца Серафима на окопных вшей, шрапнель и газовые атаки...

«Какой странный сон, – подумал Алексей. – Сон из одних голосов. Впрочем, нет. Еще доносятся запахи. Запах табака, запах лекарств. Разве у снов бывают запахи?»

Ответа никто не дал. Ответом опять стало забытье...

* * *

И был еще сон, состоявший из одних разговоров.

– ...я, пятеро офицеров моего полка и четырнадцать солдат.

– Владимир Константинович! Вы не можете рисковать собой. Да какое там «рисковать»! Не рисковать, а жертвовать собой, потому что возможностей уцелеть у отряда, совершающего маневр отвлечения, будет не больше...

– Полно вам, ротмистр! Мы – русские офицеры, а не гимназисты. Давайте обойдемся без патетики. Мы знаем, на что идем, и довольны. Принимать присягу нас никто не неволил. Кхм... Итак, есаул, вы со своими казаками берете на себя восточную оконечность. Западная на вас, капитан Смолин, и на ваших разведчиках. За мной и моими людьми, стало быть, еще раз скажу, южная оконечность. Сигналом к прорыву станет факел на крыше первого барака. Теперь о том, как распределим оружие. Наш единственный револьвер возьмете вы, капитан Смолин. Я полагаю, никто не станет сейчас оспаривать у него звание самого меткого стрелка. Ножи и топоры распределим поровну. Зажигательную смесь, которую обещал нам доктор...

При этих словах таинственного полковника Алексей стал вновь погружаться в забытье, к которому уже начал привыкать, как шахтер к забою...

* * *

В следующий раз Алексей очнулся ночью.

Там, где он очнулся, обитали тишина и полумрак.

Он разглядел над собой дощатый потолок, на который падал колеблющийся желтый отсвет. Под ним шелестел и пах соломой полосатый тюфяк.

Алексей повертел головой. Он обнаружил себя на деревянной лежанке, вплотную придвинутой к стене. Алексей откинул шинель («офицерская, кавалерийская, дореволюционного образца»), которой был укрыт, приподнялся.

Помещение, в котором он находился, было невелико, шагов семь в длину и около пяти в ширину. Две двери. Перед единственным окном – стол. На стуле, спиной к Алексею, сидел человек в меховой безрукавке и читал книгу. Пламя горевшей на столе свечи отражалось в каких-то склянках, преломлялось гранями высокого графина, играло на полированном металле хирургических инструментов.

Человек за столом обернулся. Поправил на переносице пенсне. Добродушное круглое лицо, которое как нельзя лучше подошло бы сельскому священнику. Или доктору. Кажется, что-то такое про доктора Алексей слышал. Скрипнул стул – человек поднялся. Подошел к Алексею, присел на край лежанки.

– Как вы, голубчик?

Этот голос уже доводилось слышать. В снах. Или это все-таки это были не сны?

– Где я? – спросил Алексей.

– А вы как думаете? – человек снова поправил пенсне.

Алексей пожал плечами:

– Понятия не имею. Но это первое, что я хотел бы узнать.

– Если вы так настаиваете... Вы, милостивый государь, в Польше, под Олыптыном, в германском лагере для русских военнопленных. В данный момент вы, голубчик, пребываете в лагерном лазарете, где находитесь на моем попечении. Это комната что-то вроде приемного покоя, где мы вас пока что поместили, потому как в самом лазарете свободных мест, простите, нет. Что вас еще интересует?

– Какое сегодня число?

– Двенадцатое июня.

– А год?

– Что? Простите, голубчик, не расслышал.

– Год какой?

– Год, говорите... – доктор прищурился за стеклами пенсне. Приложил ладонь ко лбу Алексея. – Голова не болит? Приступов тошноты не чувствуете?

– Петр Аркадьевич, может, ему спирту выдать из неприкосновенного запаса?

Алексей скосил глаза и увидел в дверном проеме черноволосого юношу с рукой на перевязи.

– А-а, наш горячий поручик проснулся! Спирту, говорите? Не знаю, не знаю. Вот чаю, пожалуй, не помешает, чай уж точно не навредит. А если я вот так сделаю...

Доктор подsunул под затылок вторую руку, надавив, внезапно и резко наклонил голову Алексея, прижав подбородок к груди.

В глазах, ослепляя, разорвалась петарда. Показалось – его столкнули с горы и он несется неотвратимо вниз по желобу, напоминающему бобслейный.

Откуда-то донеслось:

– ...искры в глазах? Не затошнило? Пальцы не немеют?

Докторский голос уплывал вдаль, как последняя электричка. И догнать его не было никакой возможности.

– Ай-яй, как вы побледнели-то, как нехорошо. Ничего, дружок, это пройдет, это бывает. Нервное утомление, усиленное ударом приклада. Главное, что один раз очнулись. Где один, там и следующий...

«Силы небесные! – взмолился Алексей про себя. – Сделайте так, чтоб я уснул, проснулся, и этот кошмар сгинул бы без следа. Пусть вернутся старые добрые Черные болота, сволочной, но такой насквозь знакомый Апостол. Ах да, Апостол же мертв... Что ж, мертвый Апостол гораздо предпочтительнее заигравшихся униформистов. Или не униформистов, что гораздо хуже...»

И вроде как силы небесные услышали мольбу человечью. Потому что туманом из оврага стал наползать желанный, спасительный сон. Алексею не терпелось как можно скорее скрыться в нем, забыться... с надеждой на возвращение домой.

Забыться удалось.

* * *

«Ведь этим людям надо будет что-то объяснять: кто, откуда, какого сословия, чем зарабатывал себе на жизнь, „чьих будешь?“, из какой губернии, кто у нас папа, мама, братовья с сеструхами, школа, гимназия или какие-то смутные реальные училища, „в каком полку служили?“, к дочери какого купца сватались, как попали на фронт, как в плен угодили...» Короче говоря, придется шить себе биографию из обрывочных знаний, как кафтан из лоскутов. А знания про

их эпоху, признаться, донельзя обрывочны. Разве что неплохо подкован Алексей-Леший по части оружия, военной формы и воинской атрибутики. А толку-то!

Вот о чем думал Алексей, сидя за докторским столом и прихлебывая остывший, несладкий чай. Хмурый доктор, не слишком обрадовавшись очередному пробуждению больного, всучил ему кружку с чаем, пробурчал: «Они думают, я многорукий Шива, всех лечи, всех выслушивай, с колбасниками дружи, с комендантом в шахматы играй, Фигаро здесь, Фигаро там», взял позвякивающий саквояж и вышел на улицу.

Оставшись один, Алексей немедленно произвел осмотр докторского стола. Газеты на немецком, календарь, чьи-то надписанные, но неотправленные письма, наконец, дневник доктора – все подтверждало худшие подозрения Алексея. Июнь пятнадцатого года.

1915 год! Здравьте. Приехали.

Алексей выглянул в окно. Унылая картина лагерных будней: оборванные, грязные и большей частью босые солдаты и офицеры русской армии неприкаянно бродили по двору, сидели на земле, кто-то латал одежду, кто-то писал на коленях карандашным огрызком. Сбившись в круг, солдаты курили одну папиросу на десятерых. Двор ограждал серый забор, поверх него кучерявилась колючая проволока, над местностью господствовала караульная вышка, где маячил часовой и торчало дуло пулемета.

В том, что это не компьютерная игра и не затянувшаяся галлюцинация, Алексей уже не сомневался. Может быть, оттого что у галлюцинаций было предостаточно времени рассыпаться, а они, однако, случаем не воспользовались, уцелели.

Лихо! Занесло, так занесло. И нет, чтобы занесло в неунывающий Нью-Йорк или родной Санкт-Петербург! Фиг, швырнуло в самое пекло! Нижайше поблагодарить за оказанную услугу следует деревянного божка, вернее, скрытую в нем языческую силу, которую высвободила апостольская пуля-дура.

Если удастся установить, что за магия такая породила тот зеленый дым, каким народом та магия практиковалась, где проклятый народец проживал, глядишь, и можно будет распутать клубок древних загадок, а там уж и добаться до какой-нибудь берестяной грамоты, где описывается путь домой. Но долг путь к заветной грамоте, и первым препятствием на пути стоит этот лагерь для военнопленных.

Вот чего Алексей не опасался, так это расспросов, откуда у тебя, мил человек, странного вида папироски с желтым кончиком, а также железнодорожный билет небывалого вида с безумной датой, бумажные деньги, напечатанные в третьем тысячелетии, и жетон санкт-петербургского метро. Не опасался, потому что от всякого мелкого хлама его карманы освободили те, кто брал в плен. Ничего не оставили, даже носового платка. Может, их что-то и удивило, но вряд ли они с кем-либо поделились удивлением – потому что пришлось бы признаться в мародёрстве (в частности, в том, что сперли у русского пленника высокие ботинки на шнуровке, отличные ботинки, между прочим). А скорее всего, эти славные немецкие парни просто вообще поленились над чем-либо задумываться и выкинули непонятное и бесполезное барахло в канаву со словами: «Эти русише мужик есть большой загадк».

Из унаследованных от будущего вещей еще остаются тельник, камуфляж и трусы. Тельник, он и в пятнадцатом году тельник. В камуфляже, в общем-то, нет ничего диковинного-предиковинного, до чего никак не допрыгнуть технологиям 15-го года. А трусы можно никому и не показывать, во избежание вопросов вроде: «Откель такие, касатик, уж не японские ли? А сам-то не японский ли ты шпиен будешь, а, касатик?»

И все же как быть, как держаться, что наплести?

А может, правду рассказать? В здешнем плену хватает образованных людей: доктор, полковник, дворяне всякие. «А представь себе, – сказал себе Алексей, – что в твоей вчерашней жизни к тебе подвалил бы некто с заявлением, дескать, я – гость из будущего, дите ого-го какого века. Поверил бы ты, несмотря на всю твою техническую, фантастическую, теоретиче-

скую продвинутость? Поверил бы такому господину? Особенно если у этого господина еще и перевязана голова...»

Нет, ни с кем не стоит делиться сокровенным, не поймут. А лучше будет разыгрывать недоумка... Недоумка, конечно, сильно сказано, неточно сказано и неверно, но мысль постепенно нащупывает твердую почву.

И наконец Алексей придумал, что ему делать. На помощь пришли воспоминания о замечательном советском фильме «Они сражались за Родину». Вспомнился ему персонаж Вячеслава Тихонова...

Короче говоря, Алексей решил изображать контуженого. Глухота, заикание, доходящее до полного произнесения слов, карандаш выпадает из трясущихся пальцев, нервная дрожь и обмороки. А дальше разберемся, в конце концов от контузии можно выздороветь в одночасье. Ну не готов он прямо сейчас к подробным вопросам! Надо хотя бы оглядеться, привыкнуть, окончательно увериться в реальности происходящего.

Сейчас же изобразим приступ. Тело на полу, выпавшая из рук кружка, сведенные судорогой пальцы. А то иначе получится черт-те что: уходил доктор – больной вроде был похож на человека, вернулся – больной заикается и ничего не слышит. Нет внятного перехода с уровня на уровень. Внезапный приступ – как раз и есть тот самый переход, что надо переход...

* * *

А жизнь преподносила Алексею сюрпризы с пугающей неутомимостью. Казалось бы, куда уж еще? А вот нате вам, а вот и есть куда!

Доктор вернулся не один, а в сопровождении полковника и солдата.

И теперь полковник сидел за докторским столом, а солдат стоял перед ним, вытянувшись в струнку.

– Никак нет, вашбродь! Нет у меня никакого брата!

– Да не кричи ты, Назаров, будто на плацу! Больных перепугаешь. Ты лучше возьми зеркало, вон, на столе у доктора лежит. А теперь сравни свое отражение и лицо сего господина. Ну что, убедился?

– Похож. И как это понять, вашбродь?

– А я, Назаров, почему знаю! Сам вот любопытствую. Если это не твой брат...

– Да какой мой брат, откуда! Ежели только папаша не согрешил...

– Что запнулся, Назаров?

– А ведь мог и согрешить, вашбродь. Признаться, папаша мой по молодости постраивал по Руси, помотался. А как его хоть зовут-то, вашбродь?

– Да вот не успели спросить, Назаров. Никак не предполагали, что он опять рухнет в беспмятство.

Алексей, так вовремя притворившийся контуженым и заботливо, в шесть рук перенесенный на лежанку, лежал на тюфяке и слушал эти разговоры. И его уму не давала покоя навязчивая дума: «А есть ли предел этому бреду или он так и будет идти по нарастающей?»

В разговор тем временем вклинился зашедший в приемный покой поручик:

– У каждого человека где-нибудь есть свой двойник. Тем более что сходство мы имеем не полное.

У тебя, Назаров, лицо изрыто, будто по нему дробью палили, а у него чистое.

– Так он, господин доктор, в благородных условиях, видать, воспитывался, – возразил солдат Назаров. – Трудно сказать по лежачему, но и роста, кажись, мы одинакового. Ну-ка...

Алексей позволил солдату подойти к себе и завладеть своей рукой.

– Видите, вашбродь, ладони считай одна в одну совпадают. Только у меня пальцы толще, потому как крестьянские, а он, видать, с тяжелой работой не знался.

– Кхм... Просто какой-то незнакомец в маске из лермонтовского «Маскарада», – это снова заговорил полковник. – Остается надеяться на то, что этот мистер Икс придет в себя и многое нам объяснит. Как полагаете, Петр Аркадьич, есть ли надежда на выздоровление в ближайшее время?

– Увольте от прогнозов, Владимир Константинович, – тяжело вздохнул доктор. – Голова – штука тонкая и плохо изученная. Вот, помню, у нас в уезде случай был. Увлёкся помещик Шемякин английским спортом по названию бокс, что есть суть кулачный бой по особым правилам. Продал он лес, на вырученные деньги выписал из города Лондона чемпиона и устроил с ним поединок на лужайке. До-олго они с англичашкой мутузили друг дружку, и уж казалось, наш Шемякин верх берет, как вдруг лондонский чемпион хитрым ударом стукнул помещика Шемякина в челюсть, а тот с ног брык, и не встает. На английский макар выражаясь, нокаутировал заморский боксер нашего. Так после этого события Шемякин не то что заикаться начал – жену сестрой называл, а соседа, помещика Востроносова, принимал за Стеньку Разина. А ежели книги по психиатрии полистать, такие случаи найдете, что ого-го! Какие уж там прогнозы...

– И что же, Петр Аркадьевич, медицина в подобных случаях прописывает?

– Иногда, поручик, помогает простой человеческий разговор.

– Дозвольте, господин доктор, я с ним поговорю? Вдруг и вправду брат он мне.

– Сидите, солдат, говорите, мне-то что! Если господин полковник, конечно, не против...

Ну вот и ладушки. Заодно и сиделкой поработаете.

До вечера – с перерывом на скудный лагерный обед (суп из селедки, кусок хлеба, чай) – «контуженного» Алексея развлекали историями из крестьянской жизни, разбавленными фронтовыми историями. Федор («а ведь действительно чертовски похож на меня», – думал, глядя на него, Алексей) пересказывал свою жизнь, то и дело повторяя присказку: «Сейчас я тебе свою житуху расскажу, а опосля, когда дохтур вылечит тебя, ты мне свою жизнь расскажешь».

Солдат Федор Назаров поверил в то, что нашел родного брата, и эту веру в себе всячески развивал. «Брат ты мне, чую. Видать, батька у нас с тобой общий. А что? Мужик он был видный из себя, где-нибудь на ярмарке свел знакомство с барынькой, погостил в ее усадьбах денек-другой да сбежал, потому как надоела, зажил вновь вольной жизнью, ту барыньку из головы выкинув. Скажем, так могло быть».

Алексей его не разуверял хотя бы потому, что не выходил из образа немогущего больного. Он лежал, выживал из монологов солдата Назарова полезные для себя житейские подробности, иногда для правдоподобия – все ж контуженый как-никак – мычал и замысловато шевелил пальцами.

А под одну из солдатских историй Алексей уснул...

* * *

Из сна Алексея выдрал, как репу из грядки, взрыв.

Дрожало окно, мелко звенели пробирки в стойке, катилась по столу пустая катушка из-под ниток. На оконное стекло падали отсветы пламени. С улицы доносились крики.

Алексей откинул одеяло, сбросил ноги на пол, сунул их в шлепанцы, сшитые из чьей-то старой шинели. В этот момент распахнулась входная дверь.

– Бежим! – с улицы ворвался солдат Федор Назаров. – Айда отсюда! Побег!!!

В голове Алексея полыхнуло воспоминание о разговоре, который он принял за сон: кто какую оконечность на себя берет, есаул с казаками, как поделить оружие и так далее. Значит, это был не сон. Значит, тогда офицеры обсуждали побег.

Тем временем Федор схватил Алексея за руку и потащил за собой. Алексей и не сопротивлялся. Нечего в этом лагере ловить. То, что с пленными здесь обращались более-менее гуманно, не гарантирует, что не могут потом расстрелять.

Они выскочили во двор, когда рухнула пылающая караульная вышка. Отовсюду доносились ружейная и пулеметная пальба. На песке, которым был засыпан двор, лежали убитые.

Алексею здорово досаждали шлепанцы, в которых стоять-то было непросто, не то что бегать.

– Туда! Живее, паря! – Назаров помчался к забору. Туда же с разных сторон бежали и другие пленные.

В заборе чернел пролом шириной в пять-шесть досок. Возле него не было толкотни и давки, надо полагать, большая часть решившихся на побег пленных уже выбралась наружу. Возле дыры Алексей скинул второй шлепанец. Первый он потерял на бегу. И территорию лагеря он покинул босым.

Территорию воли заливал призрачный лунный свет. Слева, в низине, виднелся лес. На высоком холме по правую руку угадывались очертания ветряной мельницы. Вдали блестела лента реки. За рекой вдоль берега расположились строения правильной формы. Не иначе, какое-то поселение.

Люди, покинув лагерь, разбежались кто куда. Правильно – больше шансов прорваться.

– К лесу! Там не достанут! – прокричал Назаров. И они помчались в направлении леса.

Спокойствие июньской ночи нарушали лишь крики и выстрелы. Алексей бежал следом за Федором, босые ноги холодила роса. В этой бледно-молочной подсветке происходящее казалось ну совершенно нереальным. Киношным каким-то. Будто Алексей шагнул в экран и очутился в чужом фильме, где вынужден подчиняться законам жанра. И он подчинялся. И приближался лес.

– О-ох!

У Федора вдруг подогнулись колени, и он упал лицом в траву.

– Что? – подлетел к нему Алексей. И тут же увидел, «что». Под гимнастеркой чуть выше поясицы расплывалось темное пятно. Какая-то пуля нашла свою жертву. Алексей подхватил двойника под мышки и потащил. Федор сперва кричал, потом замолчал.

Алексей втащил раненого в лес, прислонил к стволу лиственницы. Расстегнул гимнастерку. Разорвал исподнюю рубаху, соорудил из нее повязку, обмотал ею рану. Понимая, что все бесполезно, Алексей глухо выругался.

– Хана мне. – Федор не спрашивал, он констатировал.

«Хана», – про себя согласился Алексей. И через сто лет от таких ранений будут умирать даже те, кого вовремя успеют доставить в больницу. Однако это не значит, что надо опускать руки. Чудеса случались всегда.

– Значит, прошло? Заговорил? – Федор нашел в себе силы улыбнуться. – Или прикидывался?

– Заговорил, – Алексей рукавом вытер пот со лба. – Поди тут не заговори... А вот ты молчи, нечего терять силы.

Алексей поднялся на ноги. Перевел дух, и ладно, теперь надо дотащить Федора до того поселка, что за рекой. Там люди, там должен быть какой-то врач, и он поможет. Не захочет помочь – заставим.

– Брат, – Федор отстранил руку Алексея. – погоди! послушай! У тебя есть жена, дети?

– Нет.

– А дом?

– И дома нет.

Федор расстегнул нагрудный кармашек.

– Документы, письма... Бери! Да не тяни ты меня. Нешто я дурной совсем и не понимаю, что отпрыгался. Не перебивай! Мне надо успеть тебе сказать. Ты это... Ты пиши от меня жене, пусть думает, что я жив. А вернешься с войны, загляни в деревню. Христом-Богом прошу! Хоть на денек загляни к моим, нас же почти не различить. Ежели усмотрят какие различия, всегда на войну списать можно. Чай, уже год дома не был. Потом можешь уйти, бросить их. Но покажи моей бабе, что я жив. А то она так и будет ждать, надеяться... понимаешь? А придешь, уйдешь, освободишь ее. Понимаешь? Слушай, а как тебя звать-то?

– Алексей.

– Лешка, обещай мне, поклянись! Крестом поклянись, – Федор снял нательный крестик, протянул Алексею. – Возьми его себе. Надень. И клянись.

Алексей поклялся. А что еще оставалось?

– Слышь, Лешка, а то стань мною, а? Что тебе за разница, как зваться!

– Хватить болтать! – Алексей решительно подхватил Федора, поднял с земли. – Сам заявишься к своей бабе!

И потащил. Он тащил раненого на подгибающихся ногах, тащил, пока не выдохся вконец. Он осторожно опустил Федора на землю. Они уже вышли из леса, до речного берега оставалось шагов сто.

Федор лежал, глядя в небо широко раскрытыми, неподвижными глазами. Рот был открыт. Алексей наклонился к нему, послушал сердце, попробовал нащупать пульс, поднес ладонь к губам. Сомнений не осталось – Федор, человек, так похожий на него самого, умер.

Алексей задрал голову. Над ним висела нестерпимо полная луна. Где-то вдалеке иногда пощелкивали выстрелы. И Алексею вдруг невыносимо захотелось взвыть по-волчьи...

Часть первая

Ком бед

В апреле 1918 года на русских дорогах было тревожно. Всякий, кто пускался в путь, сперва задумывался: а есть ли серьезная причина покинуть дом и протопать несколько верст? Если необходимость все же побеждала страх, то шел человек осторожно, будто попал в чужую, неведомую и опасную страну. Перед тем как войти в лес, он останавливался, прислушивался и крестился. Когда же лесная дорога выводила его в поле, он замирал на опушке, вглядываясь в даль: не мелькнут ли вдали верховые – потому что тогда в России без оружия на коне никто не ездил.

На огромных просторах погибшей Империи человек начал бояться человека.

Однако пешеход, идущий столбовой дорогой Монастырского уезда Пензенской губернии, судя по всему, не боялся ничего. Он двигался широким, быстрым шагом, и чувствовалось, что ничто не мешает прошагать ему еще верст десять, даже увеличив темп. За плечами пешехода болтался большой и несомненно тяжелый солдатский ранец. Было человеку лет эдак тридцать. Он шел, насвистывая что-то беззаботное, и с интересом оглядывался по сторонам.

А еще пешеход слагал в уме письмо. «Здравствуйте, ненаглядная моя! Хотя до родного села всего пятьдесят верст осталось, а значит, наша долгожданная встреча как никогда за эти четыре года близка, мне все равно трудно забросить свою постоянную привычку – слагать Вам письма. От такого занятия и ногам легче, и груз на плечи не давит, и на душе свежеет, будто закурил после долгого боя. Письмам, вложенным в конверты, доверия у меня большого нет. Доходят они с опозданием. Бывает же, как за последний год, что и вообще не доходят. А это послание я на бумагу записывать не буду, потому как пребываю в надежде увидеть Вас уже завтрашним вечером. Может, Вы и удивитесь, узнав, что я лишь завтра чаю доберусь до Глуховки, ибо мне за день сорок верст пройти – не велик труд. Однако уже смеркается, и придется мне поискать ночлег в селе Зимино. Местные обитатели Вам хорошо знакомы, у некоторых мы в мирное время гостили не раз, так что под кустом не заночую».

– Хотелось бы верить, – это путник произнес вслух. И добавил со вздохом: – Да чего уж теперь!

И вновь вернулся к сочинению письма. «Обстоятельства моей жизни за последние месяцы описаны в предыдущем письме. Но боюсь, могло оно не дойти, поэтому напоминаю все коротко. Когда товарищ Троцкий объявил, что отныне ни мира, ни войны, весь мой полк решил сам себя демобилизовать. Пошли мои боевые товарищи по домам, и каждый захватил с собой бывшего казенного добра, сколько в наш солдатский мешок поместилось. Меня же задержало одно серьезное дело, а было оно столь занятное, что я пока рассказывать о нем не буду. Приду и расскажу...»

Перед тем как выйти из леса, дорога спустилась в глубокий овраг. Человек бросил взгляд на густой кустарник, лишь недавно покрывшийся молодой листвой, задержал взгляд на одном из кустов, потянул носом и зашагал дальше. Однако в лице его что-то изменилось, и хотя он был по-прежнему спокоен, но больше не свистел.

«О том, как я потом до Пензы добирался и дальше шел, рассказывать сейчас тоже не стану. Потому как из придорожных кустов махоркой пахло и, похоже, придется мне ненадолго отвлечься...»

– Стой!

Пешеход сделал еще два шага и остановился.

– Не поворачивайся! Руки вверх! – опять раздался из-за кустов хриплый басок. Его обладатель явно был очень молод, но старался изо всех сил показать, какой он взрослый, сильный и опасный.

Путник поднял руки, безмятежно глядя на предзакатное солнце. При этом он напряженно вслушивался, стараясь определить численность напавшего отряда. Через несколько секунд послышались неуверенные шаги – явно только один. В спину уткнулось что-то твердое.

– Оружие! – еще более хрипло потребовал невидимый противник.

– Зачем оно тебе? У тебя свое ружжо есть, – насмешливо ответил путник. Ствол ткнул его в спину еще сильнее.

– Ты поговори, – послышалось сзади, но разговор не получился, ибо в ту же минуту прохожий присел, как плясун, юлой повернулся на каблуках, левой рукой схватил снизу винтовку за ствол и поднял ее, выпрямляясь. Его правый кулак, взмыв вверх, подбросил противника мощным толчком в челюсть, так что зубы лязгнули. Не прошло и двух минут с того момента, как пешеход был вынужден не по своей воле остановиться, а картина на дороге полностью изменилась. Путник стоял на том же месте, слева от него в пыли валялась винтовка (старая добрая мосинская трехлинейка), справа – ее хозяин, парнишка лет восемнадцати. Одной рукой он ощупывал подбородок, другой пытался отыскать улетевший картуз, но, судя по выражению лица, он так еще и не понял, что же с ним произошло.

– И одного ружья для тебя много, – сказал путник, поднимая трехлинейку. – Ты же с ним и обращаться-то не умеешь. Ну вставай, пока не простыл.

– А больше бить не будете? – недоверчиво спросил парнишка, вглядываясь в незнакомца.

– Вот заодно и узнаешь.

Парнишка старчески охнул, нацепил запыленный картуз козырьком назад и медленно поднялся.

– Как звать-то тебя?

– Гришка, – несмело сказал парень, будто его имя, произнесенное вслух, могло привести к новым побоям.

– Так вот, Гришка, отвечай прямо и честно, как перед попом на исповеди в Великий пост. Ты чего с винтовкой по дорогам шарисься?

– У ребят табачок вышел, вот они меня и послали.

– Гришка, а что теперь, в вашем селе по-другому табаку не достать?

– Кому достать, кому нет. Я уже третью неделю по лесу брожу, домой не заглядываю. У нас большаки комбед завели, и с тех пор жизни не стало.

– Ком бед?

– Ага, комбед. Это вроде сельской управы. Только там не нормальные мужики, как мой тятка, а голота. Пришел указ – молодых забирать в солдаты. Вот этот комбед и решает: кого оставить в селе, с бандитами воевать – то есть с нами, а кому в ихнюю Красную армию иттить. Рвань разная в Усадьбе засела. За трудовой народ она, видите ли, борется. Весь самогон с уезда туда свезли, для борьбы. А ребят с приличных дворов велели собрать – и в уезд. Ну, мы в лес и подались.

– Хорошие дела у вас творятся, – сказал путник и повесил на плечо винтовку. – Ну, прощай Гришка, я дальше пошел.

– Ой, дядя, а как же я к ребятам без ружья вернусь? Что же я им скажу? Они мне теперь всю морду разобьют.

– Скажешь: «Федор Назаров по дороге шел и винтовку отобрал».

И Назаров, не глядя больше на Гришку, зашагал дальше.

* * *

Прежде Зимино было богатым и веселым селом. Барин еще лет за десять до Германской войны продал землю крестьянам. С той поры он только читал журналы и ловил бабочек. Мужики с выгодой сбывали урожай в уездный город Монастырск и давали ночлег купцам, едущим туда же на ярмарку. Уставшие купчики могли отдохнуть перед завтрашней дорогой, а сохранившие силы – развлечься. Зимино всегда славилось красивыми девками.

Рано под утро девка пришла,
Рубли в подоле домой принесла.

Теперь, весной 1918 года, село казалось вымершим.

Несколько изб были пусты. Распахнутые ворота приглашали заглянуть во двор, но первый же беглый взгляд расхолодил бы любого мародера – добро вывезено до лоскутка. Чьи-то заботливые руки прибрали все, включая двери и ставни.

Жилые дворы, напротив, были заперты так, будто через Зимино собирался пройти цыганский табор и народ, затаив дыхание, ждет вороватых гостей. Даже собаки лаяли осторожно: гавкнут пару раз и замолкнут, будто раздумывая – стоит ли брехать дальше?

Солдат остановился возле весьма приметных, украшенных резьбой ворот.

– Эй хозяин! – крикнул солдат. – Отпирай ворота, гость пришел!

Назаров присел на лежавшее поблизости бревно и закурил. Самокрутка дотлела наполовину, но хозяин не появился. Только залаяла собака.

– Мне что, у калитки ночевать?!

– Ты, дядя, горло не дери. Все равно не откроют, – слышалось сзади.

Назаров обернулся. Неподалеку от него стоял малец лет семи. В ладошке пацан сжимал игрушечную винтовку, вырезанную из доски, с приделанной к ней веревочкой для ношения на плече.

– Почему не откроют?

– Ты с ружьем пришел. Значит, у хозяев сало потребуешь, самогон будешь искать. Может, самого хозяина со двора уведешь. Вот тебя и боятся. Но не сильно, ты же один.

– А ты чего не боишься?

– У меня у самого ружье есть.

В подтверждение этих слов мальчишка наставил на Назарова деревянную винтовку. Солдат хмыкнул и достал из кармана замызганный кусок сахара, кинул его сорванцу.

– Считай, испугал меня и ограбил. А теперь скажи – дома ли Никита Пальч?

– Назаров! Федька! Живой, вернулся!

Это кричал-надрывался показавшийся в конце улицы невысокий мужичок в грязной рубахе, наполовину заправленной в портки. «Так, так... Кто это у нас? Уж не Тимоха ли Баранов, личность известная не только в Зимино, но и за его пределами. Итак, быстренько припомним, что нам известно о Тимохе».

В детские годы Тимоха лет пять ходил в школу, заведенную барином. По мнению односельчан, ему это пошло исключительно во вред. Доведись Баранову пасти скотину – он тотчас начинал считать окрестных ворон, сорок и прочих птиц, с естественными последствиями для подопечного стада. Поэтому его даже в постоянные работники не брали. Время от времени нанимали лишь для мелких дел. Соседи всегда удивлялись: почему такой серьезный мужик, как Назаров, посещая их село, дружит с этим недотепой? «А и вправду интересно, зачем это я с ним дружу?»

– Здорово, Тимоха.

И солдат протянул руку для пожатия, подумав при этом, что первое свидание с персонажем из довоенной жизни прошло без сучка и задоринки. Узнали его, признали, не усомнились.

– Где остальной народ-то, а, Тимоха?

– Боятся. Сейчас по вечерам только мы с Климкой по улицам гуляем. Он малый, я дурной.

Кто нас тронет?

– А кто остальных трогает?

Ответить на этот вопрос Баранов не успел. Наконец-то заскрипела калитка. Из нее выглянул дед в потертых валенках.

– Здорово, Федя. Извини, что сразу не открыл. Сперва не признал. Изменился ты...

«Если б ты знал, дедуля, насколько я изменился», – этого произносить вслух солдат не стал.

– И ты будь здоров, Никита Палыч, – браво, как солдату и положено, приветствовал Назаров хозяина дома и резных ворот. – Ты-то сам, гляжу, не постарел.

– Четыре года – невелик срок. Да проходи, что ты перед воротами топчешься? Я сразу понял – тебе заночевать надо. Банька у меня сегодня натоплена, а когда попаришься-помоешься, жена стол накроет.

– Никита Палыч, – робко сказал Тимоха, – если вы водку пить будете, можно я загляну? Хозяин взглянул на Назарова, потом на Тимоху и махнул рукой – приходи, черт с тобой.

Когда Назаров вошел в избу, с ним сразу же поздоровалась хозяйка... как там бишь ее?

Вспоминай рассказы в лагере, письма жены... А! Фекла Ивановна.

– Здравствуй, здравствуй, Федор Иванович. Значит, не убили?

– Бог миловал, – ответил Назаров. – На войне и вправду не убили. А у вас тут, пока у ворот ждешь, помереть можно.

– А это мы, Федор Иванович, главное сокровище прятали.

– Ты что, – прикрикнул на жену Никита Палыч, вошедший за Назаровым в избу, – сдурила?

– А ты мне рот не затыкай, – затараторила баба. – Знаю ваши тайны. Как напьешься, так сам все гостю расскажешь. Уж лучше я сама. Лареньку мы здесь прячем. Никита сказал: человек при оружии перед домом стоит. Я и увела ее в чуланчик. Нельзя, чтобы Лареньку у нас нашли.

– Ларенька – это барышня Лариса из Усадьбы? – спросил Назаров, сам удивляясь своей осведомленности. Или, может быть, своей отменной памяти.

– Она самая, сердешная. За ней Сенька Слепак охотится, который в комбеде заправляет. Она его любви давным-давно отвергла, так он решил сейчас свое взять. Ларенька, бедняжка, у нас света дневного не видит, все в избе прячется. И мы боимся – как бы кто ее у нас не приметил.

– Ты бы не кудахтала лучше, а выпустила Ларьку, – сказал Никита Палыч. – И стол пока накрыла. А я пока Федю в баньку провожу.

Заскрипела дверь. Гость обернулся. В горницу несмело вошла девушка. Ее лицо было бледным, как бывает у людей, проводящих почти все время под крышей. В правой руке она держала небольшую книжечку, заложенную пальцем посередине.

– Здравствуйте, – робко начала она. – Так это вы, Федор Иванович?

– Он самый. Мое искреннее почтение, барышня Лариса.

«Так и тянет выдать пошлость: „Девушка, кажется, мы с вами где-то встречались“. Ведь, наверное, встречались же где-то? А красива барышня из Усадьбы. Наверное, таких и называют тургеневскими барышнями. Но – ша, солдат! Отставить вольные мысли! У тебя жена в сорока верстах отсюда».

– Как я рада, Федор Иванович, что вы вернулись. Я ведь ту нашу встречу у реки запомнила надолго...

«Ая-яй, – подумал Назаров, – что ж это я про то ничего не знаю?»

– Ладно, потом, за столом, радоваться да болтать будем, – сказала бабка Фекла. – Федя, баню топить пора.

Назаров поставил на лавку сидор, позаботился о винтовке и вышел с хозяином во двор.

* * *

Никита Палыч и его супруга долго вздыхали: в доме шаром покати, на стол нечего поставить. Однако поискали в своей кладовой, прошлись по соседям и, сами себе удивляясь, приготовили-таки пиршество. Хозяйка успела курочку зажарить, леща запечь. Посередине стола дымился чугунок с картошкой, а вокруг стояли тарелки с салом, огурцами, квашеной капустой, солеными рыжиками да мочеными яблоками. От Христова Воскресения остались окорок, два кулича и десятка полтора крашенных яиц. Между тарелками возвышалась четверть самогона – за последние три года этот продукт завелся в каждой избе.

Правда, едоков было не так и много. Всего лишь Никита Палыч с Феклой Ивановной, еще один назаровский приятель Степан, воевавший в годы оны в Маньчжурии и оставивший там свою ногу, напросившийся Тимоха Баранов, Лариса, притулившаяся в уголке на скамейке с книжечкой на коленях. И, конечно, дорогой гость, Федор Назаров.

– Что, Федя, – спрашивал уже слегка захмелевший Степан, – давно так не сидел?

– Давно, – ответил Назаров.

– Царское угощение по нынешним временам, – сказал Никита Палыч.

– Федя, – сказал Степан, – по правде скажи, с царем тебе выпивать не доводилось? А то кто с фронта ни придет – тот царя видел, тот с царем ручкался, тому царица в вагоне-лазарете портянки меняла. Последний годик, правда, разговоры поутихли. Микола-царь теперь не в чести.

– С царем не угощался. А с великим князем Николаем Николаевичем – приходилось, – ответил Назаров.

– Это как же? – слышались изумленные голоса.

– В Галиции, когда Львов брали.

– И чем же угощал царев брат? – спросила старуха.

– Шкалик водки с крендельком.

– Ну, брюхо – злодей, старого добра не помнит, – заметил Степан. – Наградили-то чем?

Назаров засучил рукав и снял часы. При виде этого прибора мужики удивились еще больше, чем узнав, что его хозяин выпивал с великим князем.

– Как же такую вещицу смастерили? А если в баню в них зашел? А их тоже заводить надо? – наперебой затараторили сотрапезники.

– Федь, а кукушка в них есть? – подумав пару минут, выдал Тимоха.

– Кукушки нет, – ответил Назаров и подал часы Степану. Тот взял их, бережно поднес к глазам, будто на ладони у него стояла полная до краев рюмка, и прочел вслух выгравированное на доньшке: «Федору Назарову за особую храбрость».

– Как же ты, Федя, отличился? – спросил Никита Палыч.

– Да было дело...

Так и осталось непонятно, то ли он хотел рассказать о том, за что его наградили, то ли намеревался просто махнуть рукой, потому как в разговор вмешался Тимоха. Будучи все еще пораженным невиданными часами, он полагал, что у Назарова припасено немало иных диковин. Поэтому он под шумок взял назаровский мешок, поставил на колени и лишь тогда спросил хозяина:

– Федь, можно взглянуть, каких ты еще забав принес?

Степан незаметно, но ощутимо толкнул его локтем в бок: пей, да знай меру! Однако Назаров кивнул – смотри. Тимоха торопливо развязал мешок, будто Федор мог передумать.

– Всем взглянуть охота, – сказал Никита Палыч и очистил треть стола. Степан вырвал мешок у Тимохи и вывалил его содержимое на стол. Грязная одежда и котелок, еще хранивший следы походной стряпни, уже были изъяты Феклой Ивановной для стирки и мойки, поэтому мужицким глазам предстали лишь диковинки.

– Это, братцы, все мои военные дорожки. В солдатскую котомку много не положишь – оставил лишь то, что бросить нельзя.

– Какая коробочка маленькая. Иголочки хранить? – удивилась Фекла Ивановна, вертя в руках непонятный предмет.

– Это портсигар, – сказала Лариса и снова уткнула глаза в книжечку, лежавшую на коленях.

– У немца трофеем взял? – спросил Степан. Вместо ответа Назаров перевернул портсигар и показал надпись на крышке.

«Федору Назарову, исторгшему меня из вражеских оков. Не забуду никогда», – прочел Степан.

– От полковника Невельского. Мы с ним из германского плена бежали в пятнадцатом.

Гости наперебой требовали, чтобы Назаров рассказал про побег. Однако их всех заглушил Тимоха. Он открыл перочинный нож с пятью лезвиями и уже успел порезаться о три из них.

– Федька, это что, чем доктора в лазаретах режут?

– Капитана Терентьева подарок. Была история на румынском фронте. Так случилось, что целым эскадром выезжали за тридцать верст, а к своим только вдвоем вернулись.

– Так ты же в пехоте служил? – удивился Степан.

– Я и тогда был в пехоте. А вот пришлось верхом прокатиться. На чем я только за три года не накачался! И в седле трястись приходилось, и на автомобиле ездил, и на велосипеде, и на самокате – велосипеде с мотором, и на катере. На черте разве не ездил. Хотя... тут тоже повспоминать надо.

– Вот этот ножик мне больше по вкусу, – сказал Никита Палыч, вертя в руках восточный кинжал.

– С Кавказского фронта. Компас тоже оттуда.

– Федя, – сказал Степан, – ты будь поосторожней. Спросят, откуда часики да портсигары, ты отвечай: у офицера отнял. Ныне награды от благородных не в чести.

– А это что за особые сокровища? – Тимоха потряс два полотняных мешочка, в которых что-то побрякивало.

– Вот в этом – моя начинка. Когда доктор вынул пулю в первый раз, то сказал: храни, счастье принесет. Я и храню, пополняя запас своего будущего счастья.

– А во втором чего?

– Георгии мои.

– А чего не на груди?

– Не всем они сейчас в России по нраву, – сказал Назаров, разливая по новой. – Пару раз даже выходили неприятности. Увидит какой-нибудь болван кресты на груди и кричит: «Не стыдно тебе в царских побрякушках щеголять!» А то не просто кричит – с кулаками лезет. Поэтому я и снимал, чтобы людям зря морды не бить.

– Совсем непорядок, – покачал головой Никита Палыч.

– Мы люди по-мужицки темные, – сказал Степан. – Мы солдатских наград не стыдимся. Выпьем-ка за георгиевского кавалера Федора Назарова...

* * *

А в пяти верстах от села Зимино тоже шла гулянка, но была она злой и невеселой. Возле старой хибары, когда-то сколоченной лесорубами, горел костер, а вокруг сидели десятка полтора парней и пять мужиков постарше. Они пили самогон из одной большой кружки, отрывали куски пережаренной на костре баранины, с тоской глядели на раскинувшийся вокруг темный бор и недобрыми словами поминали тех, кто выгнал их из родного села на край болота. Особо был зол Василий Козин, ибо обидели его поболее других: лишился он земли, скотины и немудреного сельского почета, когда перед ним все ломали шапку. После пятого стакана злобушка совсем переполнила его. Ее надо было на ком-нибудь сорвать. Поэтому Козин, в очередной раз глотнув самогона и вытерев пальцы о рукав расстеленного на земле тулупа, крикнул во всю глотку:

– Гришка, подь сюды!

Немного погодя Гришка отважился подойти к костру. Вид он имел виноватый и всеми силами старался показать, что достоин командирского гнева.

– Явился, Василий Яковлевич.

– Явился. А где винтовка?

Гришка впал в задумчивость. Он переводил взгляд с костра на небесные звездочки, с небесных звездочек на темные верхушки елей и с них – снова на костер. Только на Козина он взглянуть не решался.

– Язык за зубами застрял? Где винтовка? – повторил Козин.

– Прохожий отобрал, – наконец выдавил Гришка. – Еще сказал, его Назаров зовут.

– А ты ему так и отдал?

Гришка снова начал усиленно озирать ночной пейзаж, но занимался этим недолго, так как Козин встал, размахнулся, и показалось Гришке, что звездочки с неба посыпались ему в глаза.

– Дядя Вася, – пролепетал парнишка, вылезая из кустарника, куда отбросил его мощный козинский удар.

– Дядя Вася тебя уму учит, – сказал Козин, замахиваясь опять. – Отберет у тебя в следующий раз какой голопуз винтовку, и не по роже ты получишь, а без башки останешься. А ну, не вертись!

Новая плюха, и опять трещат кусты под Гришкиной спиной.

– Василий Якич, может, хватит с него? – раздался голос от костра.

– Бог троицу любит, – ответил главный козинский помощник – Афоня-Мельник. – У нас винтовок мало, все запомнить урок должны.

В третий раз Гришке удалось немного увернуться – удар пришелся по лбу. Но все равно парень на ногах не устоял и больно накололся задом о сухие сучья. Встать он не торопился и тихо завыл-захныкал о своей судьбе, которая забросила его из родной деревенской избы в сырую лесную чащу, где дурную водку приходится пить как чай, а от сырого жаркого то и дело проносит. Тут еще и командир со своим пудовым кулаком. Домой, что ли, податься? А там – свяжут ручки, на подводу, и в окаянную Красную армию, будь она неладна. Только что и выть.

– Не вой, – сказал Козин. – Умному мука – вперед наука. До свадьбы заживет. Это только пуля в башке никогда не заживает.

– Дядя Вася, – продолжал ныть Гришка, – когда мы домой вернемся?

– Когда краснопузых в селе не будет. Ты, Гришка, подумай, они, как пташки по осени, улетят? Или нам о них позаботиться надо?

– Надо позаботиться, – уже почти не плача, ответил Гришка.

Между тем к Козину подошел Афоня-Мельник, невысокий мужичонка с длинной, но тощей татарской бородкой.

– Вася, окончил учебу?

– На сегодня руку утомил.

– Пойдем покурим, а заодно и пост проверим.

Однако до часового – парнишки с берданкой, стоявшего в секрете шагов за двести от привала, приятели не дошли, а присели на недавно упавшую сухую березу.

– Гришка – дурак, – сказал Афоня, раскуривая самокрутку. – Но от его вопроса нам не отвертеться. Мы уже месяц то мотаемся с хутора на хутор, а то и в лесу ночуем. Не всем такая жизнь по душе. Кто-то уже шепчется: хоть в Красную армию, хоть в черную, лишь бы под нормальной крышей спать.

– Нам с тобой, Афоня, с армией все просто. Там над нами червь командир, а крыша в казарме – руку не поднять.

– Я это понимаю. Потому всегда и говорил – в село возвращаться надо. Комбед перерезать, а то и запалить, когда они самогоном перепьются – все едино. Мне плевать, кто там в Питере или Москве: царь, Советы, Учредилка. Все равно до нас не скоро доберутся. А над голопузыми душу отведем. Чтобы знали, как по нашим закромам шариться и над бабами изгальяться.

– На Зимино пойти можно хоть завтра. Сведения из села верные – Слепак и Комар со своей шайкой уже за полночь пьяны в стельку. Одно меня смутило. Гришка ведь не спяну винтарь отдал. Он на Назарова напоролся. Ты же слышал, небось, Афоня, что это за мужик.

– Знаю, – зло усмехнулся мельник.

– Назаров все дело меняет. Если он здесь подзадержится да с голопузыми споется, их после этого ночью, как курей, не возьмешь. Я о его подвигах на Германской слышал. Считай, у комбеда свой полковник будет.

– Вряд ли. Он сегодня у дяди водки выпьет и дальше к своей бабе пойдет.

– Я тоже на это надеюсь. Так что до завтра дергаться не будем.

Приятели докурили и вернулись к костру, где усталые и подвыпившие мужики уже затянули тоскливую бурлацкую песню.

* * *

– А когда из госпиталя вышел, сразу же приказали явиться в штаб. Там я третьего Георгия из собственных рук командующего Юго-Западным фронтом Брусилова Алексея Алексеевича и получил, – закончил рассказ Назаров.

– Расскажи, как ты из плена сбежал, – попросил Никита Палыч.

Назаров повременил с рассказом. Он взял свой стакан, долил почти до краев и оглядел гостей, задержав свой взгляд на барышне Ларисе.

– У всех ли полно? Тогда вот что я вам скажу... Стаканчики пока поставьте, говорить буду долго, много важных слов надо сказать. Как выражаются большевики – программных слов. А за мудреные слова, коль выскочат, звиняйте, земляки. Нахвтался их не по своей воле бывший крестьянин, ныне солдат Федор Назаров. Еще и всяких знаний, новых и чудных, нахвтался. Иным словом, совсем не тот Назаров уже пришел, что уходил.

Федор и сам опустил свой стакан на скатерть, осознав, что тост выйдет даже длиннее, чем представлялось.

– Про синемаатограф слышали? Степан даже бывал? Очень хорошо. Так вот, глядел я как-то в стране далекой буржуйскую фильму под названием «Терминатор»...

– Чего? – вырвалось у Тимохи.

– Неважно, – махнул рукой простой мужик Назаров Федор. – Короче говоря, чужим, нерусским словом звалась та фильма. А показывали в ней ро... э-э, чудовище рукотворное, созданное колдунами. И хотело то чудовище изменить ход истории, хотело, чтоб не свершилось предначертанное. Ну вот, допустим, мы бы заранее узнали, что такого-то числа убьют эрцгерцога Фердинанда и оттого начнется война. И если б удалось спасти герцога, предотвратило б это войну? Как полагаешь, Тимоха?

– Так это... Не знаю.

– И я не знаю. А хотел бы знать. Ну, да и бог с ним! Жить надо так, будто живешь впервые и навсегда – вот что я понял за годы скитаний. Впервые и навсегда. За это и предлагаю выпить.

Назаров поставил на стол пустую посудину, захрумкал выпитое моченым яблочком. В горнице повисло потрясенное молчание.

«Вот сидят вокруг меня люди, которые на самом деле мне чужие, но я не ощущаю их как чужих. Я отношусь к ним именно как к близким и родным, – вот какие думы посетили Федора-Алексея. – Как когда-то я сразу и безоговорочно признал однополчан Федора за своих, а они, в свою очередь, также ни разу не усомнились, что я – самый что ни на есть Назаров, а не кто-то совсем другой. Может быть, пребывание в предыдущем мире было лишь ошибкой природы, которую природа решила исправить. И эта жизнь, несовершенная, грозная, страшная, кажется мне отчего-то более моей, чем та, предыдущая. Мало что осталось во мне от прежнего Алексея по прозвищу Леший, „черного археолога“, которому больше нравилось возиться с оружием отшумевших эпох, чем с предметами эпохи атома и сотовых телефонов. Видимо, не случайно нравилось. Ну, значит, пора бы и забыть ту странную эпоху. Быть может, и не будет ее никогда, а все еще пойдет по другому пути».

Молчание затягивалось, и Федор понял, что надо срочно переходить на привычные обитателям Зимино вещи.

– Видите, в углу винтовка? – спросил он.

– Видим, – сказал Степан. – С фронта, что ли?

– У Гришки вашего винтарь отнял. Ну, который за околицей. Он говорит – какой-то ком бед завелся в Усадьбе. Что это у вас, вместо барина, что ль?

– Большое озорство с нашим барином, Владимиром Ивановичем, приключилось. Усадьбу-то пограбили прошлым декабрем, – ответил старик.

– Революция, что ли, до вас докатилась?

– Какая революция? Озорство сплошное. В округе много дезертиров развелось, что с лета привыкли от погрома к погрому бегать. Вот они-то нас до большого греха и довели (Никита Палыч перекрестился). Мы-то от барина ничего дурного не видели. Ну вот, к примеру, случилось, ребятишки в сад залезут, вишен нарвать. Помнишь, Тимоха?

– Помню, – ответил Баранов. – Я и сам клубнику рвал.

– Ну вот, сторож поймает тебя и к барину: «Хворостиной прикажете как следует?» А Владимир Иванович руками замашет: «Что ты, мой дед людей без вины сек, я себя перед ними виноватым чувствую». Недаром в деревне так нашего барина и звал – Виноватый.

Лариса в очередной раз вздрогнула, а Никита Палыч – продолжил:

– Всю осень баре, что в уезд подались, весточки Владимиру Ивановичу слали – спасайся, мол, пока не поздно. А он отвечал: чего мне мужиков бояться? Перед ним, как всегда, шапки ломали. Разве что Филька Комаров, сукин сын, прости Господи, брякнет соседям: кусковские мужики давно уже на барских конях ездят.

– Вот кому хворостины не досталось, так это Комару, – молвил Степан. – И на войну годом позже остальных ушел, и раньше всех с фронта явился. Я, мол, по демобилизации, с наградами и трофеями. А через месяц, как приехали из уезда дезертиров искать, так он до осени в Кускове у вдов прятался.

– От кусковских наша беда и случилась. Там свое поместье пожгли, и решила местная голода за нас взяться, – сказал Никита Степаныч. – Верховодил уездный большевик Исаковский. Пришли большой толпой. Большевики и говорят: «Указ вышел народу помещиков грабить, вот мы и пришли его исполнять».

– Страшно-то как было, – шепнула Лариса.

– Удивили меня наши сильные мужики. Пришел один Козин. Послушал, как барин с голытьбой ругается, а потом и говорит: «Ну, раз указ такой вышел, делать нечего. Вы уж извините, Владимир Иванович, придется нам вас пограбить». Его двор к усадьбе ближе всех – хотел поскорее от себя беду отвести.

– Ненадолго отвел, – сказал Степан.

– Пошли они уже всей толпой в дом. Владимир Иванович не хотел пускать, его прикладом отпихнули. Он тут же на пороге свалился, потому что и так прежде сердцем маялся. Там он Богу душу и отдал.

– Так все и смотрели? – спросил Назаров.

– Сперва смотрели. Грабить как-то было неудобно. Лишь Слепак да Филька Комаров и Витька Топоров с разной голытьбой по дому шарились. Потом глядим: кусковские уже из барской конюшни лошадей в барские сани запрягают – к себе добро увозить. Мы решили – не оставлять же им. Так что всем миром о себе позаботились. Кусковских в шею, а добро по избам растаскали. Козин, мужик оборотистый, три раза сани до своего двора гонял и батраков пригнал со всей семьей; помогать. Большевик-то уездный над нами смеялся. Ничего себе не взял, стоял в сторонке, руки в боки, и хохотал: «Вот он настоящий сосальный инстинкт пробудился».

– Социальный инстинкт, – поправил Назаров.

– Вот я и говорю – «социальный». Конечно, гости кое-что утащили, но наши – больше взяли. Все-то умные, себя не обидят. Один я, старый дурак, приобрел сокровище.

Лариса зарделась густым багрянцем, а Никита Палыч продолжил:

– Я со всеми по дому рыскал, потом отбил, залез в какую-то комнатку. Открываю шкаф, думал там платьев найти, вижу – Ларька. Забилась, как сова в валежник. И шепчет: «Дядя Никита, вы добрый, спасите меня. С ними же Слепак. Я вам избу мести буду, стирать, только не отдавайте Слепаку». Надел на нее пальтишко мужское из того же шкафа, шляпу на голову натянул. Народ добро грабил, на нас внимания не обратил. Так мы до дома добрались.

– Спасибо вам, Никита Павлович, – тихо сказала Лариса.

– Спасибо, спасибо, – передразнил ее захмелевший старик. – Теперь вот живу сторожем при сокровище. Ей даже по двору днем пройти боязно – вдруг кто увидит, Слепаку скажет. Да еще иногда Филька Комар заглянет. Тот до любой девки охоч. Так что и Ларисе боязно, и нам. А избу она мести не великая умелица. Все больше книги читать. Я специально в Усадьбу сходил, пока там еще комбед не поселился, и для нее десяток взял.

Лариса покраснела, отложив книгу, в которую заглядывала время от времени.

– Барина пограбили, понятно. А дальше что? – спросил Назаров.

– А дальше, Федя, пошли дела уже совсем невиданные. Бар и после Японской жгли. А такого тогда не было. Прошел месяц-другой – вернулся к нам Сенька Слепак. Он это время в уезде с Исаковским провел и весь обольшевел. «Я, – говорит, – темным был, пока с большевиками не познакомился. Теперь – просветленный. Послан я от новой власти новую жизнь вам устроить. Раньше богачи заправляли, а ныне – власть ушла к трудовому народу. Сегодня изберем комитет бедноты – это и есть комбед – и решим насчет хлеба».

* * *

На втором этаже барского дома был деревянный выступ с перилами, который сведущие мужики называли балконом. С него видна была вся деревня Зимино. Это обстоятельство сде-

лало балкон постоянным наблюдательным пунктом. Днем удавалось разглядеть, чем народ занят, а ночью – в какой избе окна светятся. Просто так керосин ближе к полночи никто жечь бы не стал. Значит, у людей повод собраться да выпить.

Двое главарей комбеда: председатель Сенька Слепак и его помощник Филька Комаров освежались ночной прохладой, смотрели издали на чужую попойку и тем самым отдыхали от своей. Внизу, на первом этаже, шла привычная гульба. Ухайдакано было уже пять-шесть четвертей самогона, но пир только начинался.

Колька Савельев, пришедший из села в Усадьбу позже других (вообще-то комбедовцы ходить по ночному Зимино остерегались), принес странную новость: Назаров вернулся. Колька никогда вруном не слыл, но ему поверили не сразу. Ведь еще прошлой весной от Степана пришел слух: погиб его приятель.

Поэтому весь вечер говорили комбедовцы о Назарове, вспоминая различные занятные истории, связанные с ним. Наконец Слепаку это надоело, и он пошел на второй этаж, окончательно удостовериться. Почти сразу сзади затопал Филька – ему тоже оказалась невтерпез болтовня боевых товарищей.

– Здесь он, сволочь, – сказал Комар, тыча пальцем в направлении деревни.

– Здесь, – повторил Слепак, затягиваясь самокруткой.

То ли дело было к дождю, то ли от слова «Назаров», но у председателя комбеда начала ныть правая скула. Видимо, у костей хорошая память.

И Слепак в очередной раз не смог отогнать от себя ту давнишнюю, довоенную картину, когда он, пьяный, лежал на берегу реки, в пыли и засохшем овечьем дерьме, с разбитой мордой. Конечно, виноват был он сам. Увидел «барыньку» – непонятную девчонку, выросшую при Усадьбе, идущую в одиночестве. Будь он трезвый, прошел бы как всегда: «Здравствуйте, Лариса Константиновна». А тогда двухдневная гулянка, ознаменовавшая очередное возвращение Слепака из города, даром не прошла. Помнится, остановил девушку, говорил про платки, духи, шуршал деньгами, потом схватил за руку. Мол, нечего брезговать мужицким сыном. Я в городах уже потерялся, книжечки почитал, с умными людьми познакомился. И не надо из себя барыню строить, на селе давно уже говорят, что лишь по доброте Владимира Ивановича осталась она не в мужицкой избе, как положено, а в Усадьбе.

Конечно, Слепак был мужик умный и понимал – Назарову он должен быть благодарным. Не случись тому проходить тогда той дорожкой, приключилась бы такая история, что сидеть Сеньке при царском режиме, и не за классовую сознательность, а по другому разряду. И все равно не мог простить. Добро бы, набив сопернику морду, сам увел бы девчонку, соловушек слушать. А так – ни себе, ни людям.

Лишь одно немного утешало. Надоевший ему хуже горькой редьки дружок Филька Комар никогда над ним не подтрунивал. Так как и сам в тот вечер лежал рядом, сваленный назаровским кулаком. Напрашивался, поддакивал из-за спины: «Не бойсь, Филя, мы девку как-нибудь разделим». Сам ему бы врезал за эти слова. Такому все равно: хоть Ларьку, хоть Варьку.

А кстати, кое-что изменилось. Назаров теперь простой отставной солдатик, а я как-никак председатель комбеда. И если что, так могу и власть проявить.

– Комар, – сказал Семен, – как ты думаешь, с чего это так Федька Назаров припозднился?

– Черти его знают. Может, в госпитале лежал. Может, загулял с какой-нибудь вдовушкой.

– А может, в тюрьме сидел, как активный корниловец? Или еще какая контрреволюционная причина.

Комаров сперва тупо уставился на Слепака, а потом хохотнул:

– Точно, не зря он задержался. Надо бы его поскорее сюда привести. Допросить насчет генерала Корнилова.

– Ну, Корнилов – это дело для уезда. А вот нам бы надо узнать, как он к своим старым кулацким приятелям относится, что сейчас от нашей власти в лесу прячутся. Готов ли он Советам на верность присягнуть?

– Сеня, а не сходил бы ты к нему с парой товарищей? – сказал Комар.

«Ишь ты, командиром командовать хочет», – с неудовольствием подумал Слепак.

– Ты что, думаешь, за каждым контриком председатель должен ходить самолично? Сходи-ка сам.

– Тогда и его помощнику бегать не след, – ответил Филька. – Но сходить надо. Тем более что пьяного Назарова повязать будет все же легче. Давай отрядим Топора. В напарники ему дадим бойца, чтоб был потрезвей.

– Командиры, – послышался в дверях нежный голосок. – Командиры, пойдемте водку пить.

Это была Дашка, местная поблядушка. Она прибежала на балкон, надеясь, что из командиров будет там кто-нибудь один, но ее ждало разочарование, каковое, впрочем, было недолгим.

– Ты, Сеня, внизу распорядись, – сказал Комар. – А я еще покурю.

Но курить он не стал, а взял Дашку за руку и свернул в барскую спальню, где из мебели остался только огромный диван (мужики вытащить не смогли). Все приходилось делать на ощупь – в доме было темно, освещалась лишь гостиная на первом этаже, где гулял комбед...

* * *

– Кулацкие списки составляет в нашем селе Филька Комар – грамотей великий. Раньше Фильку водкой поил – бедняк, раньше Фильку со двора гнал в шею – кулак. Полсела чохом в кулаках оказалось. Кстати, и я в этой бумажке... Два пуда зерна вывез.

– Хороши дела, – покачал головой Назаров.

– Да это еще цветочки. Пшеничка-то от нас уехала. А Слепак и Комаров остались. Усадьба барская уцелела – так они всем своим комбедом там засели. И нашей голоты туда немало потянулось, и из соседних деревень понабежало. Назвали себя Красной гвардией – один дед, что в гвардии служил, вслед им плевался. Ночью гуляют, а днем в округе порядки наводят...

За окном злобно взлаял Волчок.

– Видать, они пожаловали, – сказал Степан. – В такую пору больше некому.

– Цыц, чертов сын! – раздалось во дворе. – Зашибу!

Волчок продолжал лаять, но уже потише. Похоже, зашибли.

Через пару секунд дверь открылась. На пороге стояли двое гостей: Колька Савельев да Витька Топоров, один в шинельке, другой – в пальтишке, и оба – с красными повязками на рукаве. Лариса ойкнула и успела скрыться в соседней комнате. Гости старались держаться браво, но чувствовалось – это им не так и просто. Они и в патруль-то пошли, чтобы немножко в голове посветлело после дурного первача недавней выгонки.

– Здорово, соседи, – пробормотал Колька. Он снял картуз, и пальцы его правой руки на секунду сложились, будто для крестного знамения, но он смущенно взглянул на Топорова, после чего опустил руку. А Витька и не подумал сдернуть фуражку. Комбедовцы вошли в горницу.

Реакция сидящих была разной. Немало выпивший Степан посмотрел на них зло. Тимоха испуганно икнул. А Никита Палыч только усмехнулся:

– Здорово, обходчики. Сколько за вечер контры настреляли?

– Контра нас боится, – сказал Топор. – Контра боится, трудовой народ – отдыхает. Кто спит, кто праздник празднует. Мы и заглянули на огонек да на стаканый стук. А заодно хотим узнать – какая такая радость соседям привалила...

Но Колька, приглядевшись внимательней к сидящим за столом, рявкнул пьяным баском:

– Да никак Назаров? Вот какая для радости причина. Здравствуйте, Федор Иванович.

– Здорово, – ответил Назаров.

– Поздновато ты, Федя, вернулся, – сказал Виктор Топоров. – У тебя, глядишь, вчера война кончилась, а у нас уже два месяца своя идет.

– Для меня любая закончилась. Надоело.

– А за трудовой народ в родном краю ты еще не воевал. Ладно, может, еще надумаешь. У нас войско веселое. Ни чинов, ни чищенных сапог, командира сами выбираем. Нравится – командир, не нравится – все руки подняли и коленом под зад.

– Да что вы все про сапоги да командиров, садитесь за стол, – торопливо сказала старуха. Колька благодарно икнул и сел на лавку. Следом за ним плюхнулся Топор, поставив винтовку между колен. Только тут он увидел Тимоху.

– И ты здесь? Скажи-ка еще один стишок, который от учителя-контрика узнал.

Тимоха сделал вид, что до того пьян – не ответить.

– Не бойсь. Ты, главное, на улице не ори, а под крышей – что хочешь. Лишь бы хозяева разрешили.

После этого он взял бутылку, в которой еще оставалось около трети содержимого, плеснул самогон в две ближайšie емкости и поискал взором стакан Назарова.

– Надо с тобой выпить, Федька. За счастливое возвращение да за нашу власть. Куда тебе плеснуть?

– Я на сегодня уже свою норму отпил, – ответил Назаров.

– Странное дело, человека четыре года не видел, а как вернулся, так не выпить.

– Сказал же, на сегодня – отпил.

– Ну, это непорядок. Я не просто Виктор Топоров, я теперь народная власть. Ты выпить обязан.

– Да ну?

– Нет, ты правду скажи. Брезгуешь мной? – уже сурово и без шутиivosti спросил Витька.

– Правду сказать или соврать? – ответил Назаров.

– Правду, правду! – азартно крикнул Витька Топор, чуть ли не ложась грудью на стол. – Правду скажи!

– Отчего не сказать. Брезгую.

– Ах вот как! – Топоров приподнял винтовку и хлопнул прикладом об пол, но тут же успокоился, видимо, что-то придумав.

– Хорошо же, Коля, нас с тобой здесь приветили. С благородиями на фронте, небось, шимпанское пили, а со своим братом-мужиком уже зазорно.

– Непонятливый ты, – грустно качнул головой Назаров.

– Нет, это ты непонятливый. А я все уже понимаю. Меня правильные люди на ум наставили. Впрочем, а с кем это я говорю? – Витька взглянул на Федора, стараясь изобразить на своем лице непонимание, что ему, кстати, удалось. – Вот старая карга – этому дому хозяйюшка. Вот Никитахозяин, вот Степан-одноног, вот Тимоха-дурак. Народ хоть и темный, но мне знакомый. А это что за брезгливый мужик напротив сидит?

В комнате стало тихо.

– Я тебя спрашиваю, гражданин, – с упором на последнее слово сказал Топоров. – Кто ты?

– Не дури, Витя, – встрял в разговор Степан. – Ты же Федора Назарова не раз у нас видел.

– Это для тебя он Федя-соседя. А я – боец сельской Красной гвардии. Мне документ подавай, а не Федю.

– Ты что себе в чужом доме позволяешь? – не выдержал Степан и приподнялся, опираясь на костыль. Виктор Топоров проворно соскочил с лавки, прыгнул назад и вскинул винтовку, наведя на сидящих. Колька еще раз икнул и тоже встал, поднимая винтовку.

– А ну-ка сядь, Степан Алексеич. – Палец Витьки лежал на спусковом крючке, а в хмельных глазах читалось, что надавит он его без колебаний. – Сядь и не маши липовой ногой. Я и не в такие дома захаживал. Тоже, бывало, кричали на меня и махали чем попало. Потом в ножки кланялись: хоть жизнь оставь, Виктор Михайлович, не губи, сердешный.

– Ну как, – Витька снова посмотрел на Назарова. – Есть документ? Али нам самим в твоих карманах порыться?

Степан взглянул на солдата и удивился внезапно произошедшей перемене. Будто и не пил Федор Назаров в этот вечер. Смотрел он вокруг внимательно и весело, просто радовался жизни. Так счастлив утомившийся от безделья батрак, которому наконец-то предложили легкую и доходную работу.

– Документ есть, – и Федор протянул Витьке Топору паспорт. Тот взял документ, открыл и начал вглядываться, будто страницы были исписаны китайскими иероглифами. На его морде появилась подлая усмешка.

– Я же, братцы, неграмотный. Рад был бы прочесть, так не могу. Нет, точно в Усадьбу идти придется.

– Витька, – чуть не крикнул Никита Палыч, – ты же три года в школу к Карлу Леопольдовичу отходил!

– Карла Леопольдовича трудовой народ контрой признал. Значит, уроки его – не уроки. Колька тоже неграмотный. Правда, Колька? Посторонним грамотеям я довериться права не имею. Значит, в Усадьбу нам путь-дорожка. Надевай шинель, Назаров. Ты не смотри, что тепло во дворе: до утра все равно не допросим, а на полу в подвале – прохладненько. Ты же, хозяйка, не забудь лукошко с провизией собрать. А то, сама знаешь, как иногда случается. Попал человек, да и подзадержался на неделю-другую.

Степан открыл рот, чтобы сказать Витьке Топору, что он думает, но Федор быстро взглянул на приятеля, и тот промолчал.

– Может, повременим? – сказал Витька. – Может, Назаров все же выпьет с нами.

– Да ты еще и глухой, – с неподдельным сожалением сказал Назаров. – Ну сказал я же тебе – брезгую.

– Тогда одевайся поскорей. Дивлюсь я на тебя, Назаров. Человеку на войне умнеть положено, а ты дураком вернулся. Ну как знаешь. Пошли. Не спи, Колька. Становись сзади и двигай.

Колька икнул в знак того, что понял приказ, повесил винтовку на плечо (она болталась, как деревянная игрушка у мальчика Климки) и, пошатываясь, пошел к выходу. Перед ним шел Назаров, а возглавлял процессию Витька Топор.

В сенях Назаров на секунду задержался, нащупал в полутьме фуражку, снял с гвоздя и вышел на улицу вместе с конвоирами. Однако теперь походный ордер изменился: Колька шел по-прежнему сзади, а Витька Топор тоже сзади, но чуть в стороне – крыльцо было достаточно широким. Из окна во двор падал тусклый отблеск керосиновой лампы. Самого крыльца он не касался, поэтому все трое на ступеньки вступили осторожно: не упасть бы.

А потом на крыльце завертелась какая-то невообразимая карусель. Стоявшая у двери метла внезапно оказалась в руках товарища Назарова и пошла выписывать круги и восьмерки. Колька и Витька так и не поняли, что же с ними произошло, отчего они попадали с ног, и что же их так больно ударило, и почему они так и не успели ни разу стрельнуть.

Не глядя на стонущего и катающегося по крыльцу Кольку, Назаров подошел к Витьке и поднял его за шкуру. Если у Кольки была всего одна винтовка, то его начальник отправился в патруль вооружившись как следует. Назаров снял с Витькиного пояса трофейную германскую лимонку, а из кармана пальто вытащил револьвер.

– Ну что, будем еще паспорта читать? – ласково спросил Назаров. – Чего молчишь, Витенька? Старший, чай, спрашивает. Еще какие документы читать будешь или так признаешь?

– Назаров ты, – сказал пришедший в себя Витька Топор. За одну минуту он осунулся, погрузнел, и причиной этому была не шишка на лбу, а потеря оружия. Не чувствовал он себя без винтовки человеком. Колька ничего не сказал – он был по-прежнему неразговорчив, только хватал себя за побитое место, пытаясь определить: висит ли там хоть чего-нибудь. Вышедший на крыльцо Никита Павлович склонился над ним.

– Да я это, я и никто другой, – наставительно произнес Назаров. – Никто в этом не сомневается, и ты не моги.

«Я и сам в этом уже нисколько не сомневаюсь», – добавил про себя вернувшийся с войны солдат.

– Слушай, Колюша, ты уж не горюй, что так все обернулось, – успокаивал Никита Павлович ушибленного комбедовца. – Если бы ты невзначай из ружья пальнул, еще хуже бы вышло. И на Федора Ивановича не сердись. А как в Усадьбу вернетесь – скажи: вышли за околицу, увидели костер. Хотели подкрасться, а там – засада. Ружья отобрали да по шее надавали. Если вы Слепаку правду скажете, что Назаров вас двоих с ружьями голыми руками скрутил, так вам самим в подвале до Духова дня сидеть. Ну, не сердись? Хорошо. Умница. Сейчас я тебе рассольчика принесу. И головушка пройдет, и прочее. И не бойся. Дедушку моего Сергея Никанорыча, Царствие ему Небесное, однажды жеребец тоже в мудя задней ногой отбрыкнул. И ничего, я-то потом родился. А жеребчик с той поры охромел.

Через минуту в темноте скрылись две фигуры, поддерживающие друг друга. Так уходят с обильного застолья, когда радушные хозяева не пожалели ни выпивки, ни закуски.

* * *

За столом сидела та же компания. Лариса, вышедшая из своего чулана, слегка дрожала, поэтому Фекла Ивановна ее успокаивала.

– А во дворе-то холодновато, – сказал Назаров. – Надо бы еще налить. Я одно не понимаю – как народ в Зимино такую дрянь терпит?

– А что делать? – развел руками Никита Павлович. – Так и живем – между бандой и комбедом. Козин то и дело записки нам шлет: кто, мол, землю мою распашет – ляжет в нее вместо навоза. А у меня, Федя, в Филаретовой чаще береза лежит, бревен двадцать в феврале нарубил. В доме дрова скоро кончатся, а березу не вывезешь. Еще отберут лошадь с телегой, как жить потом? Слушай, Федя, может, ты бы съездил завтра? Тебя-то они заботятся. Возьми Тимоху.

– Я, Никита Палыч, домой тороплюсь.

– Встанешь пораньше, быстро обернешься и домой пойдешь. Мне скоро придется плетнем топить.

– Ладно, утром посмотрим.

Разговор стих. Фекла Ивановна открыла дверь. Откуда-то донесся дребезжащий, механический голосишко «О баядерра».

– Граммофон гоняют, охальники, – сказал Никита Павлович. – И ни в чем недостатка у них нет: ни в жратве, ни в самогоне. У них уже своя механика сложилась. Сенька Слепак прикажет хозяина заарестовать, у которого сын в лес подался. Затащит к себе, револьвером на него машет, орет: в уезд тебя, гада, отправить или тут же судить-расстрелять? Потом умается, ляжет вздремнуть. Тут уже Филькина работа. Подойдет к кулаку, да и говорит: жить хочешь? Пиши жене записку – пусть телегу грузит, харчей побольше нам шлет да самогона. Проснется Сенька, а ему Комар говорит – наши ребята решили: простим гада последний раз. Тот рукой

махнет. Раз решили – пусть катится. А если жена припозднится и со снedyю к ним затемно придет, когда гулянка в разгаре, так она им, бывает, не только самогона даст. Филька Комар по этим делам большой мастер. А Слепак всё ищет нашу Ларьку, кобелиную свою любовь забыть не может.

Лариса вздрогнула, услышав про Слепака. Фекла Ивановна слегка потрепала ее по плечу: не бойся, девка.

– А как в остальных деревнях? – спросил Назаров.

– Полегче. Самая сволочная сволочь у нас собралась, в Сенькином отряде. Со всей округи набежала. Большаки приказали везде комбеды создать. Но в том же Кускове мужики как-то стакнулись промеж собой, чтобы не тиранить друг друга. А у нас – война. В уезд сколько писали – пришлите нормальную власть. Нет ответа. Так и живем под комбедом. Давай напоследок, – Никита Палыч поднял стакан. – Еще раз за твое возвращение...

* * *

Слепак с трудом дотащился до комнаты, в которой оставил Фильку. Его приятель не закрывал двери ни когда спал, ни когда любил.

На широченной барской кровати валялся Комар, утомленный, как косец, начавший труд с рассвета и завершивший далеко за полдень. Рядом раскинулась тяжело дышавшая, полностью обнаженная Дашка: так дышит уставшая батрачка, которой лишь к вечеру дали отдохнуть. Пахло смесью одеколона, дешевых духов и самогонного перегара.

– Сенька, – лениво сказал Комар, – ложись на теплое место. Я уже не могу, а она еще хочет.

– Вставай скорей. Банда в селе. Наш патруль еле живым ушел.

Комар, ругаясь, вскочил и стал ожесточенно рыться в валявшемся на полу Дашкином белье. Наконец он нащупал наган.

Дашка, осознавшая, что любви больше не будет, выругалась и тоже стала разбираться со своим бельем. Между тем приятели вышли из комнаты.

– У сволочного барина в коридоре хоть лампы горели, – сказал Комар, спотыкаясь обо что-то, в темноте.

– Надо завтра свечи повтыкать, – ответил Слепак.

– Если нам до утра кишки не выпустят.

В гостиной на первом этаже двое комбедовцев, шатаясь и ругаясь, пытались подтащить к окну пустой шкаф, а еще двое чистили ружья. Остальные сгрудились вокруг Витьки Топорова и Кольки Савельева, присевших на полу.

– Давай, начинай сначала. Комаров еще не слышал, – сказал Сенька.

– Значится, так. Идем по селу, вдруг какие-то бандиты выскочили, – запинаясь, лепетал Витька. Так может говорить или сильно побитый, или сильно выпивший человек. Впрочем, в данном случае было и то, и другое.

– Откуда выскочили? – спросил кто-то. – В канаве, что ли, хоронились?

– Может, и в канаве. Нам смотреть времени не было. Да, Колька?

– Да, – икнул Савельев.

– Наставили винтари и давай бить прикладами. Оружье наше отняли, решили, что с нами покончено, бросили и ушли. Они, видно, шуметь не хотели. А было их человек семь. Нет, скорее десять.

– Козинские? – спросил Комар.

– Не-е! – несколько голосов опередили Витьку. – Козинские их на месте убили бы. Особенно Топора. Виктор Топоров пять малолетних кулацких девок перепортил.

– Вроде не козинские, – сказал Витька. – Да, Колька?

– Ик, да.

– Другая банда, что ли, объявилась? – спросил Комар.

– Видать, другая. Я даже одного признал. Это кривой конокрад с монастырской ярмарки. Комбедовцы возмущенно зашумели. Надо же, уголовная шпана добралась до их села, путается в ногах революционных бойцов.

– Чудной конокрад попался, – раздался сзади нежный женский голосок. Уже одевшаяся Дашка спустилась в гостиную. – У тебя же, Витька, два золотых перстенька, как у цыгана. Хорошие были вору: винтовки взяли, золотишко – оставили.

– Ну я почему знаю? – недовольно сказал Топор. – Правда, Колька, они нас сразу бросили?

– Конечно, он мужик честный, зачем ему твои кольца, – пробормотал Савельев.

– Это кто честный мужик? – тотчас же крикнул Слепак, схватив Кольку за шкирку.

– Ну этот, которого все знают. Назаров.

Если рядовые комбедовцы только ругались, их командиры тотчас перешли к действию. Слепак по-прежнему держал за шиворот Кольку, а Комар – Витьку Топорова. Потом они, не сговариваясь, потащили свои жертвы к столу, будто выискивая, куда их ткнуть мордами.

– Нет, хороши бойцы! – орал Сенька. – Один двоих обезоружил!

– Вот я сейчас тебя в кадке с огурцами мордой искупаю! Чтобы знал, как пьяным в патруль ходить! – кричал Комар.

Он подтащил Топорова к упомянутой кадке. В последнюю минуту Витька сообразил, какой новостью можно выторговать пощаду.

– Филя, я Барыньку нашел.

Комар отпустил Витьку, и тот рухнул на пол. Рядом свалилось тело Савельева.

– Где она?! – одновременно заорали Слепак и Комаров.

– В той избе, где мы были. Я видел на лавке книжечку из Усадьбы. Старик и старуха читать не могут, – тараторил окончательно протрезвевший от страха Топор. – Значит, она там прячется.

Слепак заметался по гостиной в поисках своей шинели, но наткнулся на опрокинутый стул и упал. Его поднял Комар.

– Сеня, ты куда собрался?

– За Назаровым и этой.

– погоди, – сказал рассудительный Комар. – Посмотри, ты же свою шинель найти не можешь. И ребята, ну видишь, как осенние мухи. А у него два винтаря и револьвер. Он нас всех из окна пощелкает. С тебя, кстати, начнет.

– Избу спалю!

– Спички по пути обронишь, – сказал Комар, умевший трезветь, когда дело касалось реальной опасности. – Он, безоружный, двоих скрутил, которые час назад пошли. Я-то этот час с Дашкой провел, а ты сколько еще выпил? Не торопись. Утром придем, на рассвете. Из кровати вытащим.

– А вдруг он уйдет?

– Ну и черт с ним. Она-то останется.

Слепак подумал, понял, что Лариса никуда не денется, и внезапно успокоился.

– Ладно. Хватит гулять. Утром дел хватит.

* * *

Назаров правил Сивкой, насвистывая солдатские песенки, а Тимоха Баранов, развалившийся на телеге, рассказывал приятелю об окрестных местах.

– Вот на той развилке, что мы сейчас проехали, купца зарезали. Я тогда был мальцом, помню, сколько разной полиции в село съехалось. Месяц почти вели дознание, чуть всех курей

у нас не подьели. А все из-за одного мертвого тела. Ты и вправду умно сделал, в Зимино заночевав. А то пошел бы ночью и с ним повстречался. Он к тебе подойдет, будет ассигнациями трясти и просить: «Возьми все, добрый человек, только душу не губи». Потом золотишком зазвенит. Вроде все как настоящее. Но упаси тебя Бог хоть монету положить в карман. Сразу купчик закричит: «Вот кто мой погубитель!» И задушит. А за перелеском Филаретова чаща начинается. Жил здесь когда-то старец Филарет, в скиту, круглый год один. Ходил босой, питался лесными дарами, от людей мирскую пищу не брал, разве огородную овощь. Со зверем лесным уживался. С медведем дружил. Откуда пришел, почему поселился здесь – никому не ведомо.

А потом к нему стала барыня наезжать, вроде как жена деда Владимира Ивановича. Он ее наставил на ум в каком-то житейском деле, она хотела отблагодарить его. Старец долго никаких даров не брал. Наконец, видно, чтоб отстала, согласился принять сапоги – за валежником ходить. Надел, залюбовался, идет по лесу, поскрипывает. Навстречу медведь. «Посмотри, Михайла Иваныч, какая у меня обновка». А Михайла старца и задрал на месте. Видно, его, возгордившегося, в мирской обувке за приятеля не признал.

Назаров рассеянно слушал болтовню Тимохи. Не перебивал. Перебьешь – так Баранов сразу начнет расспрашивать про разные фронтовые истории. А для таких рассказов сейчас у Назарова настроения не было. Взбодрив лошадь, он начал насвистывать любимую военную песню:

Среди лесов дремучих
Разбойнички идут
И на плечах могучих
Носилочки несут.⁴
Носилки не простые —
Из ружей сложены,
А поперек стальные
Мечи положены.

– Вот здесь, – самые грибные места в округе, – продолжал Тимоха. – Особо богато ближе к осени. Волнушки россыпями в папоротнике, рыжики на полянах, березового гриба – хоть косою коси, груздя навалом, ну, а сыроег как грязи. Тут еще у нас глухаря на вырубках бьют – барин дозволял. Но и других охотников хватает. Иногда волки забредут. Помнится, раз у Семки Кривоступова лошадь из саней выели – сам не помнит, как ушел. Или Егорка-пастушок...

Припомнить историю пастушка Тимохе не удалось – помешали.

– Стой! Тпру!

Наперерез телеге вышел бородатый мужик с винтовкой на плече.

Назаров натянул вожжи, останавливая Сивку. Сзади послышался треск ломаемых сучьев – кто-то еще выбирался из зарослей. Не оборачиваясь, по доносившимся звукам Федор определил – со спины подходят двое. Тимоха же от неожиданности свалился на дно телеги, будто одновременно увидел призрак купца и живого медведя, задравшего Филарета.

Первый мужик оказался уже около Сивки, взял его под уздцы. Подошли и те двое, встали по обе стороны от телеги.

Одного из них Назаров узнал: Гришку, стоявшего по правую руку, на этот раз вооруженного охотничьим ружьем. У Гришки не только распухла челюсть, но и были подбиты оба глаза.

⁴ Эта старинная солдатская песня является одним из «революционных трофеев». На ее музыку была сочинена красноармейская песня «Все пушки-пушки грохотали...».

– С возвращеньцем, Федор Иванович, – поздоровался мужик, успокоительно поглаживая жеребчика. – Чего смотришь, как поп на антихриста? Али не признал? Я – Афанасий Жмыхов, который Афонька-Мельник. А вот и Петр Веретенников. И Гришка-балбес.

– Здорово, ребята, – ответил Назаров. – Узнал, почему ж не узнать. Вот вы, значит, где обитаетесь?

– Таков уж рок, что вилами в бок, – подал голос Петр Веретенников. – Знать, по судьбе нашей бороной прошли.

– Каждому свой удел, – на глубокомысленность Назаров ответил глубокомысленностью. – Кому сон, кому явь, кому клад, кому шиш.

– Ты, я вижу, с голопузыми на клад метишь, – недобро срщурился Афоня.

– У меня своя тропинка – мимо чужих огородов, – Назаров полез в карман штанов.

– Не балуй! – Жмыхов сорвал с плеча винтовку, передернул затвор, навел на Федора.

– Дерганые вы какие-то. Одичали, гляжу. Курево достаю, – покачав головой, заметил Назаров и медленно вытащил кисет. – Угощайся.

Мужики не отказались.

– Спасибо, – сказал Веретенников. – Махорка корешки прочищает кишки, кровь разбивает, на любовь позывает.

Некоторое время молча сворачивали цыгарки. Потом прикурили от назаровской спички. Повертели в руках германский коробок.

– Трофейный? – спросил Петр.

– Это точно.

– Ты не навоевался, что ли? На Гриху напал, отобрал ружьишко. Голопузые, слышал, к деду твоему ходили – водку пить за твое возвращение. Не в отряд ли к ним вступаешь? – Афонин голос звучал резко, раздраженно.

– Я навоевался, Афоня. Потому ни в Усадьбу, ни в лес идти не намерен. Я домой иду. А касаемо Гришки... Не люблю я, когда на дороге меня под винтовкой держат. Особенно те, кто с ней обращаться не умеет.

Как всегда рассудительно, заговорил Петр Веретенников:

– Известное дело, русак на трех сваях крепок: авось, небось да как-нибудь. Вот и ты мыслишь: авось, один управлюсь. Небось Бог не выдаст, свинья не съест. Как-нибудь в стороне удержусь. Ан не выйдет. Выбирать нынче треба. За них али за нас.

– Я за себя.

– Ладно, – Афоня-Мельник затоптал окурок в землю, – думай. А мы тебе поможем. Слезай, дальше пешком пойдешь. Телега нам твоя нужна.

– А еще что нужно? – Федор продолжал спокойно курить.

– Мы ее Никите Палычу после вернем, – миролюбиво пообещал Петр.

– Только он сам за ней к нам в лес явится, – зло сказал Афоня.

– И винтовочку мою прихватить не забудет, – встрял в разговор Гришка. – А то моду взял – людям морду бить и ружья отбирать.

Назаров обернулся к нему и наставительно сказал:

– Кстати, Гришка, оружие уход любит. Чистить надо, смазывать.

– Слезай. – Афоня взял винтовку наперевес. – Я давно шутковать кончил. Мне что голопузого ухлопать, что его дружка – едино.

– Ты, дядя Петр, – это подал голос осмелевший Тимоха, – байки подпускать любишь. Вы сейчас шаритесь с оружием, как лесные воеводы, а байку забыли. Вчера Макар огороды копал, сегодня Макар в воеводы попал, а завтра Макар с потрохами пропал.

– Сойди с телеги, голяк, – Афоня-Мельник передернул затвор. – У тебя мозги с детства в кишку закрутились, так я тебе их пулькой подлечу.

Подражая старшему товарищу, и Гришка навел на телегу свое гладкоствольное оружие.

– Что ж, коли так... – Федор спрыгнул на землю со стороны Гришки. За ним, ругаясь, слез Тимоха.

– Только не загоняйте Сивку. Кормить не забывайте, – печально молвил Назаров.

– Не бойсь за чужую кобылу, – Жмыхов снова взял лошадь под уздцы, однако другой рукой продолжал держать винтовку направленной на Назарова. – Убирался бы лучше из Зимино, подальше от своей дурной родни. Мы без тебя разберемся.

– Ах, да! – вспомнил Федор, не обращая внимания на эти слова. – Мешочек свой я таки заберу. – Он наклонился над повозкой, взял мешок правой рукой за горловину, выпрямился. Сделал шаг вперед, очутился за передним колесом телеги и вдруг со всего размаха увесистой котомкой огрел Сивку по крупу. И, мгновенно развернувшись, мешком же вышиб из Тришкиных рук тяжелую двустволку.

Сивка, дернувшись резко вперед, сбил с ног неосмотрительно державшего уздечку Афоньку-Мельника. Гришка нагнулся было к упавшему под ноги оружию, но вдруг стал стремительно удаляться от земли. Это Назаров, отбросив сослуживший службу мешок, одной рукой ухватил парнишку за пояс, другой – за шкирятник и швырнул в ближайшие кусты. Затем поднял ружье и вытянул правую руку, как делают все, у кого нет времени правильно прицелиться.

Петр Веретенников стоял где стоял, так и не попытавшись сдернуть ружье с плеча. Он с грустью созерцал происходящее.

Афоня Жмыхов завалился в небольшую канавку, но оружие не выпустил. Ему казалось, он быстро перевернулся со спины на живот...

Оглушительно грянул выстрел – из зарослей рванули переполошенные пичуги. Афонин приклад разлетелся в щепки.

– На Руси не все караси, есть и ершики, да, Петр? – услышал Мельник голос Назарова. Федор целился в Афоню из второго ствола. – Винтовочку-то свою, порченую, брось в телегу. Война на сегодня для тебя закончилась.

Мельник поднимался с трудом. Видимо, ему до конца еще не было понятно, как так получилось: минуту назад Назаров был у него в руках, а теперь самому приходилось стоять с поднятыми руками.

– Твоя взяла, Назаров. Увертливый ты мужик! А все равно, так себя держать будешь – недолго тебе голову носить. Ей-богу, недолго.

– О моей голове, Афоня, много кто заботился. Мне всех и вспоминать-то неохота. Чтобы в гробу поменьше вертелись.

– Посмотрим, кто последним шутковать будет. Мы, того и гляди, Зимино навестим. Красножопых, понятное дело, под нож. А заодно под горячую руку, может, еще кто попадет. В темноте-то человек слепешенек. Потом поплачем над соседом-покойничком, да недолго. Ты из своей Глуховки когда прискачешь, попа прихвати. Нашего-то красные извели. Чтобы родню твою дорогую отпел.

Назаров ничего на это не ответил, а только вскочил в телегу, хлопнув слегка вожжами Сивку. За ним, победно глядя на мельника, влез Тимоха. Глядел Федор вполоборота, вроде бы больше на дорогу, но чувствовали кулаки, что они под наблюдением. Отъехав шагов на пятнадцать, Назаров обернулся:

– А все-таки дурак ты, Афоня. И пропадешь однажды как дурак. Винтовку у меня взял. А это проглядел. – Назаров вынул из-за пазухи револьвер, отнятый вчера у комбедовцев. – Я мог бы, рук не марая, вам всем троим башки разнести.

Афоня-Мельник замолчал. Лишь когда телега скрылась за деревьями, он размахнулся и заехал Гришке по уху.

А издали доносилась энергичная и грустная песенка, под которой было утопано сотни верст галицийских шляхов:

Все тучки, тучки понависли,
И с моря пал туман,
Скажи, о чем задумался,
Скажи, ваш атаман?

* * *

Часа через три Назаров и Тимоха вернулись в Зимино без всяких происшествий. Только они въехали за околицу села, как к телеге подбежал Климка с той же деревянной винтовочкой в руке.

– Дядя Назаров! Дяденька Назаров!

Федор остановил лошадь. Запыхавшийся малец ухватился за оглоблю и затараторил:

– Дядя Никита вас ищет. Велел мне караулить. Чтобы сразу к нему. Прямым. Еще наказал передать: Ларьку в Усадьбу увели.

– Садись, – Федор показал на место рядом с собой.

Парнишка запрыгнул в телегу. Назаров хлестнул Сивку вожжами...

Калитка была выломана. Волчок лежал возле конуры. Судя по всему, в него не только выстрелили несколько раз, но и добили штыком. Следы разгрома встречались уже во дворе: осколки посуды, выкинутой через окно, испорченный матрас. Картина в избе, естественно, была еще более удручающей, однако Назаров, не глядя по сторонам, сразу же подошел к кровати, на которой лежал Никита Палыч.

– Ох, ох, – простонал тот. – Не бойсь, Федя, мне уже полегше. Когда парнем был, вот так же под селом Гавриловом оглоблями отходили.

– Не болтай, Никита, – сказала Фекла Ивановна. – Тебе от этого пользы нет. Я сама Феде про беду расскажу. И часа не прошло с вашего отъезда, как целое стадо нехристей примчалось. Будто и не соседи, а из поганого куля их на село наше вытряхнули. Все злые, похмельные. Ругались, ломали все подряд, Никиту сразу же прикладами по бокам. Филька Комар всех злее был. Они винтовки и Ларьку искали. Комар меня схватил (Фекла Ивановна перекрестилась) и орет на весь дом: «Сейчас я тебя, старую б..., на четыре копыта поставлю и японским ласкам обучу». Тут Лариса к ним и вышла. Комар ее сразу облапал. Может, тут бы и повалил, но товарищи не позволили. Сказали – в Усадьбе разберемся. Про тебя пытали. Ну я ответила, что уехал с утра и винтовки увез. Они еще немного пошвыряли горшки о стенку и ушли. Никита поначалу совсем был плох. Теперь ничего. Ему, – старуха понизила голос, – не из-за битья, а из-за Ларьки плохо. Не уберег он ее, бедняжку.

Говоря все это, Фекла Ивановна быстро наводила порядок в доме. Назаров, помогая ей, поставил перевернутый сундук, вправил вывороченную крышку погребца.

– Что же ты делать будешь, Феденька? – спросил дядя Никита.

– Щей похлебаю, если комбед не вылил, покурю и пойду в Усадьбу прогуляться.

– Так тебя же там сразу убьют.

– Я, дядя, и не в такие места ходил. Особенно за последние три года.

– Садись-ка, Федя, и вправду за стол, – сказала Фекла Ивановна. – Ты же из леса вернулся.

Не успел Назаров доесть щи, как в дверь постучали.

На пороге стоял Тимоха Баранов. У него за плечами был огромный мешок, в который легко поместился бы откормленный хряк и пара поросят в придачу.

– Я, Федька, сразу сообразил: ты в Усадьбу пойдешь. И побежал по соседям. Говорю: народ, тут Назаров решил против комбеда пойти. Знаю, что с ним никто не пойдет, так хоть

оружия какого дайте. И что ты думаешь? Сколько ни было этих леквизиций, все равно в каждой избе чего-то нашлось.

Назаров потрогал мешок и удивился – как Баранов его дотащил? В мешке были три нормальных охотничьих ружья, еще одно ружье, обрез. Еще имелись коробки с порохом, поржавевшие штыки, ятаган, маленький топорик от бердыща, кремневый пистолет – видимо, все из пограбленной Усадьбы. Под конец Назаров осторожно вытряхнул на пол четыре динамитные шашки.

– Богатое у вас село, – сказал он. – Тимоха, ты забыл, сколько со вчерашнего вечера у меня оружия осталось?

– И вправду, забыл, дурья голова, – Баранов звучно хлопнул себя по лбу.

– И как соседи не побоялись тебе столько снаряжения отдать? – изумился Никита Палыч, уже сидевший на кровати. – Вдруг ты бы все в комбед отнес?

– Все равно бы там мне не поверили. Я же дурак.

Между тем Назаров был занят делом. Когда давеча собутыльники восхищались его сидором, кое-какие фронтные вещицы они не увидели – Назаров прибрал их с самого начала. Маузер был в превосходном состоянии. Назаров дунул в дуло, вставил обойму, любовно провел пальцами по мощной рукояти. Это вам не какой-нибудь браунинг для гимназистов – стреляться от несчастной любви.

Еще имелся револьвер. Это был самый что ни на есть кольт, любимое оружие ковбоев. Федор пару раз крутанул барабан. Нормально. Обидно, что всего шесть патронов.

Маузер был в кобуре. Назаров надел ее на себя, а револьвер заткнул за ремень, не забыв пощелкать по нему пальцем. Не выпадет.

Отнятую у Топора лимонку он опустил в карман гимнастерки. Гимнастерка была у него третья с 15-го года. В ней он участвовал в двух десятках разных передраг, поэтому давно убедился: из кармана не вылетит ничего, даже если его повесили бы за ноги. Подумав, Назаров кинул в карман и четыре динамитные шашки, предварительно подрезав им шнуры. В другом кармане он нащупал штучку, которую предпочитал без толку не теребить – латунную бензиновую зажигалку.

Еще чего-то недоставало. Наградной кинжал был неподалеку, но Назаров им почти не пользовался и рука к нему не привыкла. Вместо него взял финку. Заодно захватил и моток веревок.

Закончив приготовления, Назаров присел на табурет, стоявший посередине комнаты. У него в руках был грубый маленький деревянный медальончик, сопровождавший его всю войну. Федор пристально взгляделся в него, насколько позволяли красные лучи заходящего солнышка, уже с трудом проникавшие в избу. Медальончик, подарок одной славной полячки, с зимы 15-го года служил ему талисманом.

– Федька, а мне какое оружие взять? – спросил Тимоха.

– Никакого. У тебя будет особый приказ. Сходишь к Степану. Скажешь ему, что я домой отправился.

– Федя, а зачем это?

– Когда он узнает, что я в Усадьбу иду, сразу же с печки слезет и поползет туда со своим костылем. Пусть пока не знает.

– Хорошо, так и сделаю.

Назаров застегнул гимнастерку на все пуговицы. Обернулся, перекрестился (чего никогда не делал в прежней жизни, но он был уже далеко не прежний, совсем не прежний) и вышел за порог. Путь его лежал не по главной улице, а огородами, к реке. Такой путь был на полверсты дольше, чем если идти прямой дорогой, но Федор не хотел, чтобы в Усадьбе узнали о том, что он к ним направляется, раньше времени.

Берег речки, дай бог памяти, Бобрушки зарос густыми кустами, ясное дело, берег этот – любимое место весенних уединений зиминских парней и девчат. Нынешней весной, уж конечно, не спугнешь ни одну парочку, заглянувшую в чащу черемухи соловушку послушать. Он вышел на берег, отыскал в кустах извилистую тропинку и двинулся по ней.

Тропинка вывела его наверх. Назаров взглянул и увидел перед собой громаду Усадьбы.

* * *

Здание напоминало прелестную виллу, которую надели на основание средневекового замка. Правда, романтическое подземелье представляло собой огромный двухъярусный подвал – нечто среднее между склепом и винным погребом, без всяких каменных галерей, ведущих в соседний лес. Построена Усадьба была еще при старом барине Петре Владимировиче заезжим английским архитектором Чарльзом Фоксом, эксцентричным, как и вся английская нация.

Ни архитектор Чарльз Фокс, ни весь зиминский род не мог и представить, какое сугубо феодальное употребление найдут для декоративной башни и столь же декоративного подвала потомки крепостных. Теперь над башней развевался красный флаг, а мрачный подвал стал тюрьмой для пленников комбеда.

Весь огромный причудливый дом с его многочисленными коридорами, комнатами, винтовыми лестницами и мансардами оказался добычей революционного мужичья. В гостиной, там, где не хватило растасканных стульев, вокруг стола выстроились деревянные чурбаны и нехитрая кухонная мебелировка. На одном столе рядом с фарфоровой посудой из сервиза стояла глиняная утварь, реквизированная из кулацких изб. Всюду были свалены разнообразные трофеи, изъятые комбед овцами у своих зажиточных собратьев. Сельские революционеры тащили в Усадьбу, как сороки в свое гнездо, все, что, по их мнению, могло пригодиться для будущей коммуны. Оружейную, где висели барские штуцера, комбед приспособил под арсенал, заполнив его кулацкими ружьями и разным охотничьим припасом, а также иным военным снаряжением, сейчас комбеду не нужным. По соседству, в людской, валялись свертки ткани, швейные машины, тяжелые весы, самовары, настенные часы и даже велосипед. Особняком стоял десяток бидонов с керосином – председатель комбеда, понимая важность этого стратегического продукта, приказывал изымать его где только увидят, провозглашать «коммунарной» собственностью и тащить в Усадьбу. В детской на полу были вперемешку набросаны матрасы и сено. Сюда товарищи удалялись на боковую.

А в барском кабинете поселился его новый хозяин – Сенька Слепак.

«Ну Федька Мезенцев, ну сволочь», – каждый раз не забывал подумать Сенька Слепак, просовывая финку в щель между верхним ящиком и крышкой стола. Только так можно было выдвинуть этот ящик. Поверх бумаг в нем лежала тетрадь в бархатном переплете, которую Сенька любил перелистывать. Он вообще любил бывать в кабинете барина, сидеть за его рабочим столом, попивать самогон и копаться в бумагах покойного Владимира Ивановича.

В Усадьбе барский кабинет менее всего пострадал от сельских революционеров. Позаимствовать отсюда было, по сути, нечего. Вдоль одной стены – книжные шкафы под потолок, битком набитые соответствующим содержимым. Вдоль другой – то же самое. У окна – стол, металлические, замысловато изогнутые ручки от ящиков которого содрал Федька Мезенцев и приспособил у себя дома к кадкам для засолки огурцов.

На самокрутки газетная бумага годилась не в пример лучше книжной, толстой и плохо рвущейся. Если бы газет не хватало, оно конечно, сгодились бы и эта, но в помещицьем доме обнаружили подшивки «Русского инвалида», «Петербургской газеты», «Нивы». Понятное дело, зимой книги пойдут на растопку печей, а пока стоять им как стояли, корешок к корешку.

В столе у барина хранились стопки писем и тетради, неписанные крупным старательным почерком. Среди последних наткнулся любознательный Слепак на бордовую тетрадь. Оказывается, помещик Владимир Иванович вплоть до последнего своего дня вел дневник. То есть записывал, что в его жизни приключалось и что он по этому поводу подумал. Прочитанное растревожило Сеньку не на шутку.

«Это выходит что? – рассуждал он сам с собой. – Человек помер, а мы можем узнать, какого числа чего он делал. Ведь нужнейшая вещь для борца, строящего мировую революцию. Опосля спросят меня, ну, скажем, внуки или кто из товарищей, а где ты, сволочь, на каких фронтах революции бился такого-то числа? А ты им откроешь и выдашь. Вот, дескать, тогда-то и тогда-то бился там-то и там-то. Да и сам припомнишь геройское времечко».

Короче говоря, Сенька Слепак задумал сам делать подневные записи, отражающие личное участие в мировой революции.

Требовалось только открыть одну из чистых тетрадей и сделать первую запись. И пойдет дело. Но что-то все время мешало.

А сегодня утром было что занести в дневник. События последних суток требовали, чтоб их увековечили. По привычке Сеня листал дневник Владимира Ивановича, кое-что перечитывал, шевеля губами и водя грязным пальцем по строчкам. Вот обгрызенный ноготь дважды отчеркнул одну и ту же фразу, опять вернулся к ее началу.

– Противоречивые чувства охватили меня при этом известии, – вслух прочитал Слепак. – Ишь, гад, как закрутил. О революции толкует буржуазной. – И посмаковал: – «Противоречивые чувства...»

Утро наступило для товарища Слепака за полдень. Барину, прожигавшему жизнь в праздности, утреннее пробуждение служило поводом сделать в дневнике какую-нибудь жизнерадостную запись, например: «Я всегда боюсь проспять арию жаворонка на рассвете и вторящие ей лучшие на земле звуки и запахи оживающей русской природы», или: «Я проснулся с ощущением небывалой легкости во всем теле...» и т. д.

Сеня проснулся со знакомым ощущением тяжести в теле и особенно в голове. Добравшись до лечебной жидкости, хранившейся в ящике стола – бутылки самогона, предкомбед, в очередной раз отмятугав Федьку Мезенцева за оторванные ручки, управился с плохо подчиняющимися пальцами, и по пищеводу побежал чудотворный ручеек. Окружающее стало вызывать к себе интерес, тело возвращалось в повиновение, заработала память. «Ларька, Федька Назаров!» – прозвучало в голове, как выстрел.

Товарищ Слепак торопливой походкой вышел из кабинета. В коридорах он никого не встретил, но со двора доносились голоса. Сеня направился вдоль дома. Двое комбедовцев, братья Иван и Федор Мезенцевы, рыли напротив флигеля управляющего яму.

«Могила? Почему здесь? Кто позволил?» – недоумевал Слепак, ускорив шаг.

– Привет товарищу Слепаку! – заметив его, Иван вонзил лопату в землю и шагнул навстречу, вытирая руки о штаны. Федя разогнулся в яме и тоже отставил лопату в сторону.

– Здорово, мужики! Чего делаем? – Сенька поручкался с братьями.

– Так оно, Сеня, тово – дерево сажаем, – сказал старший, Иван.

– В землю, – уточнил Федя.

– Вона оно. Управляющий, немчура ентот, в дому прятал. Заради прихотей своих, – Иван показал рукой товарищу Слепаку, куда и на что смотреть. У стены флигеля стояла кадка с растущей в ней комнатной пальмой. – Орехи какие небось уродит.

– К осени, – прибавил Федя. «Идиоты», – подумал Слепак.

– Где все прочие товарищи?

– Так они, Сеня, не в одном месте. Кто где. Много с товарищем Филькой пошли на деревню. К аспиду ентому, как его... И девке ентовой.

Слепак поднялся наверх и опять взялся за бутылку. Он понимал, что от нового стакана самогона его начнет развозить. Однако выпил. «Не разбудили. Филька, гаденыш, самолично покомандывать захотел, – предкомбед принялся нервно расхаживать от двери к окну. – Чтобы опосля при каждом случае намекать, дескать, я дрыхну, а он работает. Мол, не пора ли поменяться местами. Сука!»

Носком ноги, обутой в давно нечищенный сапог, он от души врезал по книжным корешкам на нижней полке. «Нет, с Филькой тоже как-то пора решать. Приохотился, вишь, распорядиться, подзаборник. Интересно, что у них там с Назаровым выйдет...»

Послышался топот ног, хлопанье дверей, голоса, среди которых отчетливо выделялся Филькин хрип. Сеня рывком открыл дверь кабинета, шагнул в коридор и первое, что он увидел – Ларису, которую тащили к парадной лестнице.

– Куда ее, товарищ Комар? – прогундосил Колька Савельев.

– Наверх, в будюар.

– Куды? – изумился Колька.

– В дальнюю комнату, по левую руку. Где покойная барыня жила.

– Где Назаров? – крикнул Слепак.

– Нету солдата в селе. Укатил куда-то, – первый помощник увлек предкомбеда в гостиную. – В избе, во дворе, че можно перебуторили – ружжей не сыскать. С собой, гад, увез. Ниче, узнает про Барыньку – сам приволокет. На коленях ишшо поползает. Чтoб возвернули в целости. Будем мы за ним бегать, как же!

И в этот самый миг, глядя на улыбающуюся щербатым ртом конопатую Филькину рожу, Сеня Слепак понял наконец, что не у него одного забилось сердце, когда стало ясно: Ларька нашлась. Не у одного председателя виды на бабу!

– Значит, так, Филя. – Слепак постарался придать голосу как можно больше твердости, – я сейчас пишу письмо в уезд. Чтoб слали отряд. Пора кончать с бандитами. А то добра не жди. Куда, думаешь, Назаров винтовки повез? Не иначе в лес, дружков вооружать. Так что в Усадьбу он может явиться не один, а со всей кулацкой шайкой. Ты, Филя, придумай пока, кого верхом в уезд с пакетом отправить, и гляди, чтоб товарищи ворон не считали. Оружие проверить – махорку из стволов вытрясти.

Последнюю фразу предкомбед произнес уже у двери. Он не стал дожидаться, что скажет или не скажет Комаров в ответ.

Достав в кабинете из ящика стола чистый лист, положив рядом дневник барина, Сеня выбрал карандаш поострее и задумался. С Назаровым будут сведены старые счета, в уезде наконец-то получают живого или мертвого бандита, как свидетельство, что власть в селе не бездействует, а он, Сеня Слепак, возьмет то, что когда-то у него увели. А сейчас – глоток самогона, и за письмо.

Через час послание было готово с помощью вдохновляющего напитка и дневника Владимира Ивановича как поставщика красочных оборотов речи. Предкомбед перечитал написанное и остался доволен.

«Дорогой товарищ Исаковский! Милостивый государь!

Революционный привет из Зимина! Битва за Мировую революцию крепнет! Живем мы тут словно на острове посреди океана, как Робинзон. Стараемся изо всех сил искоренять несознательность за власть советов. Но есть отдельные бандиты. Засели в Филаретовой чаше. Бунтуют народ. Охватывают противоречивыми чувствами. Не выкурить их оттудова. Мы бьемся не жалеючи себя.

Подавили контрреволюционный мятеж на селе. Зачинщик – Федор Назаров, видно, сбежал быстрее лани. Он хотел разоружить нашу боевую дружину и подбивал народ. Но помыслы – провалились. Видимо, будет отныне обретаться в родном селе Глуховке.

С выражением величайшего удовольствия сообщаем вам эту приятнейшую новость.

Мы хотим разбить наголову бандитское гнездо. Подмога нужна. Штыков двадцать бы. А то, может, и завтра нагрянут. Ходят такие сведения. Верные. Покончим с буржуйской гидрой контрреволюции!

Засим позвольте откланяться. Погода у нас стоит чудесная, от которой всю душу охватывает радостное ожидание ждущего нас впереди счастья.

Председатель Комитета Революционной Бедноты села Зимино и ейного же отряда Красной гвардии товарищ Семен Слепак».

Теперь оставалось отправить пакет в уезд я ждать. Может, Назаров сюда сам явится, если далеко от села не ушел. А может, и не явится. Тогда можно вплотную заняться Ларькой.

* * *

Лариса обернулась на шум отпираемого запора. Она стояла у распахнутого окна. В помещение ввалился Комаров, за ним осторожно вступил Слепак.

– Почему окно открыла? Бежать хочешь? – Взгляд Комара тревожно рыскал по комнате, видимо, в поиске приспособлений для побега.

Лариса не торопилась с ответом. Каждый день в ожидании, когда же ее найдут, она дрожала от страха. Но сейчас страх удивительным образом прошел.

– Душно у вас, – не глядя ни на кого из вошедших, наконец сказала она.

– Можно и в подвал перевести. Посвежей будет, – усмехнулся Комар.

Лариса ничего на это не ответила, а только отвернулась к окну.

Комар демонстративно подошел к окошку и закрыл его, громко хлопнув рамой. Потом он рыгнул, свалился на диван и стал неприлично почесываться. Никакой реакции со стороны пленницы не последовало.

Фильку слегка разозлило такое пренебрежение. Нормальная баба, влипнувшая в такую историю, подскочила бы к начальнику, заарестовавшему ее, в ноги бы кинулась. А тут – будто она постоялица гостиницы, равнодушно смотрящая на суетящегося лакея.

– Ох зря, Ларька, ты из себя барыню корчишь, – зло сказал Комар. – Барыни сейчас не в чести. Мы бар отменили. И церковный брак заодно. Скоро из уезда указ придет – сознательным бойцам революции брать невест по своему выбору. Вот тогда трудовой народ тебе муженька и подыщет. Сеню нашего, к примеру. А то и меня. Я парень видный. И умелый, ха-ха. Другая баба за свою жисть столько горшков не перебила, сколько я девок перепортил.

– Семен, – Лариса посмотрела в глаза переминающемуся за спиной Комарова Слепаку, – ты что, теперь барскую привычку завел: всюду со своей собакой ходить?

– Ты тут разговорчики не разводи. – Комар вскочил, широкими хозяйскими шагами зашагал по комнате, пытаясь выплеснуть в атмосферу как можно больше самогонного перегара. Слепак наблюдал за помощником, и его разбирала злость. Видимо, на обоих.

– Командиры... Накомандовались, – продолжала Лариса. – Хуже татар, честное слово. Своих соседей грабите, в лес загнали, под арест сажаюте.

– Будем слушать эту барскую подстилку? – Филька плюхнулся на скрипучую и старую кровать. – А может, ее вдвоем обыщем, для начала?

– Семен, – недрогнувшим голосом продолжала Лариса, – одумайтесь. Бог простит, да и люди – забудут. Пока не поздно.

– Ты нам грозишь?! – вскочил с кровати Комар. – Нам?!

– Все! – крикнул Слепак. – Хватит, пошли.

– Да я ей сейчас...

– Комар, пошли отсюда, – твердость в голосе предкомбеда охладила Фильку.

– Ладно, Ларенька, – все-таки Комаров не мог уйти просто так, ничего не сказав напоследок, – договорим после. Ты вместо чтоб про нас переживать, за старого хрыча и каргу помолись, которые тебя укрывали. Коли в Бога своего так веруешь.

– Помолюсь, – сказала Лариса. – И за тебя помолюсь. Я за любую Божью тварь помолиться готова.

– Пойдем, Филька, твою мать, быстро, – Слепак чувствовал приступ дурноты. Он хотел избавиться от нее поскорей и знал, как это сделать – выпить.

Наконец Комар соизволил выйти из комнаты.

– В подвал ее перевести надо, – пробурчал он, запирая замок. – А то сбежит через окно. Или разобьется, дура. Ни себе, ни людям.

«Вот сволочь, – подумал Слепак. – А ну как он к ней ночью зайвится? Ключик-то от подвала у него».

– Хорошо, запрем, – сказал Сенька. – Но не в подвал. Кому она будет нужна, коль пару дней на мокром посидит? Я ее в башню переведу, на самую верхотуру. И часового приставлю. Который сам не попользуется и от разных кобелей устережет. Нашего идейного дурака Лешку.

Слепак думал, что Филька тотчас ему возразит, но тот согласился:

– Ну ладно, решили с нашей голубушкой, а сами пошли выпьем.

* * *

Федор присел на пенек. Усадьба темнела поблизости, до нее рукой подать. Оттуда доносились невнятные голоса и граммофонные хрипы. Под этот аккомпанемент Федор принялся неторопливо сворачивать самокрутку. Последний перекур перед боем.

От сигарет образца начала третьего тысячелетия он давно отвык. Как отвык и от всего прочего, оставшегося в будущем. Все это – дело привычки, и не более того. Сама жизнь – это тоже, в конце концов, всего лишь одна большая привычка.

Вообще его свыкание с новой жизнью, начавшейся в 15-м году, прошло быстро и легко. Конечно же, благодаря войне. На войне как-то не до умствований, не до рефлексии, не до нравственных и прочих терзаний. Выжить – вот что главное на войне.

Однако война закончилась, и Федор стал задумываться о том, что делать дальше. Ведь его угораздило попасть не куда-нибудь, а на самое что ни на есть перепутье истории, истории его страны. Здравый житейский смысл нашептывал в одно ухо: «Тебе же известно, касатик, что будет дальше, какие вихри враждебные пронесутся по расейским просторам. Не лучше ли забиться в глухой покойный уголок, а хотя бы и в заграничный уголок, и там в сытости, в спокойствии жить-поживать и добра наживать. А добра можно нажать немало, касатик, ежели, к примеру, использовать всякие познания в том да в этом, до которых еще только предстоит додуматься людишкам этой эпохи».

А в другом ухе раздавался иного рода шепот: «А вдруг ты избранный, вдруг ты мессия. Ты можешь изменить ход истории. Ты знаешь ключевые события и ключевые фигуры ближайшего будущего, так используй же это! Ты можешь спасти Николая Второго и его невинно убиенную семью, можешь уничтожить Сталина, пока он еще не вознесся над страной, можешь стать соратником Ленина и на пару с ним командовать Империей, а в двадцать четвертом году занять его место и стать Вождем. А там и не допустить Вторую мировую. Или наоборот – напасть на Гитлера первым, уничтожить его и расширить границы Империи до краев материка. Смотря что тебе надо».

И с тех пор эти противоречивые мысли не давали ему покоя. Истина – она, конечно, как всегда, лежала где-то посередине, но все никак не удавалось эту середину нащупать.

Однако с тем, куда направиться сразу после фронта, вопросов не возникало. Летней ночью 15-го года он дал обещание человеку, который умер у него на руках, и он должен это обещание выполнить.

Также не было вопросов и по сегодняшнему дню. Он должен идти в Усадьбу, вызволить оттуда Ларису и поучить этих комбедовских выроdkов уму-разуму...

Захлопнулся люк, скрипнул засов. Лариса сразу же закашлялась – в башне было так же пыльно, как и темно. Единственное окошко, в которое можно было с трудом просунуть голову, со стеклом, изнутри измазанным какой-то краской, позволяло проникать внутрь лишь несколькими худосочным лучикам света. Девушка стояла бездвижно, давая глазам привыкнуть к темноте. В башне, превращенной в скопище разного хлама, какой обычно встречается на чердаках, легко можно было споткнуться обо что-нибудь, упасть, удариться.

Стали проступать очертания предметов, в разное время заключенных сюда – а вдруг еще пригодятся. Лариса осторожно переступила через сломанные настенные часы, отодвинула детскую лошадку-качалку и опустилась на перевязанную бечевкой кипу журналов. Здесь, среди паутины, трухи и рухляди, вдыхая пыль, слушая мышиную возню, лишаясь с наступлением вечерних сумерек последнего света, она и будет ждать. А чего – сама не знает. Просто ждать. Она к этому привыкла.

Перед ее глазами вставали воспоминания.

Мать умерла при родах. Спасти удалось только ребенка, Ларису. Так трагически окончилось странное замужество. Авдотья, мать Ларисы, спешно была выдана замуж за барского конюха Матвея, поселилась с ним в Усадьбе, а через восемь месяцев появилась на свет девочка.

По селу поползли слухи, что отец ребенка вовсе не конюх, а сам барин. Сплетни подтверждали и поведение Матвея, вовсе не интересовавшегося судьбой девочки, и участие в судьбе Ларисы помещика. Владимир Иванович поселил девочку в Усадьбе. Там она и жила безвылазно, лишь изредка гуляла по окрестностям. Хотя Владимир Иванович не выказывал особого отношения к девочке, потерявшей мать, сельской молве оказалось достаточно и того, что было.

Уж слишком непонятной оказалась эта девица, жившая в барском доме, питавшаяся от барского стола и окруженная барским почетом, но к барской родне не относящаяся. Зиминский народ так и не понял, как же ему следует обращаться с этой жительницей Усадьбы. На сельскую девку, которую можно при случае ущипнуть за задницу, она не походила. А почитать ее как барыню – тоже было бы странно. Поэтому с ней здоровались почтительно, но, не дав отойти и на три шага, тут же начинали шушукаться за спиной. Называли ее «Барынькой». Говорили всякое, в том числе и то, что барин, наразвлекавшись в свое время с ее матерью, ждет, когда же дочка войдет в самый сок, и хочет вдоволь повеселиться под старость. Кто-то жалел Барыньку, кто-то, наоборот, ее ненавидел: мол, место ей в хлеву или на кухне, как любой девке, урожденной от барской любви.

А она почти все дни проводила за книжками, взятыми из барской библиотеки. Что еще делать? Иногда поместье посещали племянники Владимира Ивановича. Когда они были в малолетстве, играли во что ни попадя. Когда повзрослели, Ларисе пришлось быть поосторожней в играх. Гимназисты старших классов уже прочли «Санина», но Лариса прочла «Воскресение» и понимала, чем может кончиться общение с подобными гостями. Деревенские же парни, хоть и говорили гадости за ее спиной, заигрывать с ней не осмеливались.

Лишь однажды Сенька Слепак, только что вернувшийся из города, прогуливаясь с лучшим дружкой Филькой Комаром, вздумал познакомиться с ней поближе. Лариса тогда чуть не померла со страху. До Усадьбы было бы не докричаться. Да выручил ее посторонний парень, гостивший тогда в этом селе.

Уже потом Лариса узнала, кто это был. Звали ее спасителя Федором Назаровым. Но вчера, похоже, Назаров ее и погубил. Из-за него избу добрых людей, ставших ее пристанищем

на несколько месяцев, посетил комбедовский патруль. Теперь Назаров, судя по всему, далеко. А она во власти тех, кого больше всех ненавидела и боялась.

«Что же я могу сделать? – подумала Лариса в полной темноте. – Даже не удавиться».

Подумав, она направила качающуюся доску и оторвала ее от стены. «Вот ею – и по первой же голове. Пусть со злости пристрелят. Хоть позора не будет».

* * *

Часовой обнаружился, едва лишь Назаров подкрался к дому. Возле крыльца бродил долговязый парень, насвистывая «На сопках Маньчжурии». Время от времени, видимо, понимая, что круг обязанностей часового более широк, он отходил от здания шагов на тридцать, обходил какую-нибудь пристройку, шумно плевал на землю и возвращался к крыльцу.

В очередной раз ему пришлось в голову заглянуть за каретный сарай. Едва он сделал это, как из темноты скользнул силуэт, и не успел часовой крикнуть, не то что сорвать винтовку с плеч, как тяжелый удар ноги под вздох отбросил его на кирпичную стену.

Придя в себя, парень решил, что своей бедой надо как можно скорее поделиться с товарищами. Но сделать это было невозможно, так как рядом стоял Назаров, заботливо державший его за горло. Винтовку, снятую с плеч пленника, он воткнул штыком в землю, считая ее сейчас никому не нужным предметом.

– Ты на часах? – не шепотом, но очень тихо спросил Назаров.

Парень согласно кивнул головой – разговаривать ему было очень уж неудобно.

– Значит, на сегодня твое дежурство закончилось. Теперь давай думать, как нам с тобой лучше поступить. Или я тебя придушу, или ты мне поможешь. Придушить?

Парень отчаянно замотал головой. Это предложение Назарова ему очень не понравилось.

– Хорошо. Значит, ты мне хочешь помочь. Надо мне в дом войти, а проводить – некому. – Назаров чуть ослабил хватку и прибавил: – Скажешь хоть слово громче, чем я, придушу без предупреждения.

– Пожалейте, дяденька, – пролепетал парень так тихо, что Назаров с трудом смог слышать его голос. – Я ни в чем не виноват.

– Это, брат, очень плохо получится. Мне придется невинного задушить. Если не поможешь, – участливо сказал Назаров. – Сколько ваших в доме?

– Весь комбед в сборе. Двадцать человек.

– Где они?

– В гостиной. Там у нас вечернее собрание, – прошептал парень, да так тихо, что Назарову пришлось заставить его повторить. В этот момент из дома донесся звон стаканов.

– Хорошее у вас собрание. Где Лариса?

– Барская побрядушка, что ли?

Болезненный тычок в бок объяснил парню, что он должен осторожней выбирать выражения.

– Извините, дяденька. Ее наш председатель приказал в башне запереть, чтобы никто не обидел.

– Ты знаешь, как до башни добраться?

– Не-е. Я в зиминской усадьбе всего неделю как поселился.

– Тогда пошли. – И Назаров, продолжая держать парня за горло, осторожно двинулся к дому.

Они взошли на крыльцо и приблизились к раскрытой двери. В этот момент пленник, видимо, ободренный знакомыми голосами, раздававшимися из гостиной, рванулся из назаровских рук, пытаясь крикнуть «караул». Ничего хорошего эта затея ему не принесла. Назаров

тотчас сжал пальцы на его горле и два раза двинул головой о стенку. Тело парня потеряло природную устойчивость и сползло по стенке вниз.

Назаров вынул нож, отрезал кусок от шинели пленника. Через минуту во рту у парня торчал кляп, а руки были связаны. Оставив неподвижное тело возле крыльца, Назаров поднялся по ступенькам и оказался в Усадьбе.

В прихожей, которая с легкой руки архитектора-британца называлась мудреным словом «холл», было просторно и темно. Налево, в гостиную, вел широкий коридор, его дальний конец был озарен отсветом ламп, освещавших комбедовскую пирушку. Назаров на минутку остановился, припоминая рассказы Тимохи Баранова об Усадьбе. Здесь должна быть лестница. Вроде бы немного пройти направо. А там и наверх.

Из раздумий его вывел скрип открывшейся, невидимой в темноте двери, и Назаров нос к носу столкнулся с невысоким мужичком, державшим в одной руке лампу, а в другой – корзину с разной закуской. Из рта у мужика торчал здоровенный ломоть ветчины – видно, он решил удовлетворить голод еще по дороге. Сделать это ему не удалось, так как от удара под ребра мужик тотчас согнулся и раскрыл рот, чтобы набрать побольше воздуха. Ветчина мягко шлепнулась на пол. Рядом с ней упала корзина, по коридору разнесся глуховатый звон разбившихся крынок. Лампу постигла бы та же участь, не подхвати ее Назаров. Другой рукой он выхватил финку, и мужик почувствовал под подбородком неприятный холодок, а потом и легкий укол.

– Вавила! – раздалось из гостиной. – Ты что, курвин сын, всю сметану побил?

– Вавила, – сказал Назаров, быстро поставив лампу на пол и взяв своего противника за волосы освободившейся рукой. – Жить хочешь?

– Да. – Вавила протрезвел мгновенно и уже сообразил, что за штучка уперлась ему в горло.

– Тогда крикни, что удержишься немножко. Скажешь не то, что надо, – понимаешь, что будет, не дурак.

– Товарищи, я тут всю провизию просыпал, и не собрать! Лучше я в погреб обратно схожу, – во всю глотку, истоиво заорал Вавила.

– Послали болвана, – донеслось из гостиной. – Он всю нашу жратву растрясет. Мы тебя в село за салом отправим.

Комбедовцы еще пару минут костерили Вавилу. Но вскоре крики замолкли – видимо, зиминские красногвардейцы переключились на более интересное занятие.

Назаров оттащил Вавилу на несколько шагов в сторону, продолжая демонстрировать пленнику, что нож – по-прежнему у горла.

– А теперь расскажи, где Лариса. Только тихо.

– Ее на этой самой колокольне заперли, что над домом поставлена.

– Охрана?

– Один паренек с ружьем стоит. Никого, кроме товарища Слепака, к ней пускать не велено.

– Как туда пройти?

– Вот рядом лестница. По ней подняться, и там такой домашний проулок.

– Коридор, что ли? – спросил Назаров.

– Ну да, колидор. Надо этим колидором пройти, пока в последнюю стенку не упруешься, а там – лестница наверх. Я сам ее туда с товарищами отводил и запомнил.

– Ну, пока, Вавила. Повезло тебе сегодня, дураку.

Пока Вавила соображал, в каком же смысле ему сегодня повезло, Назаров убрал нож, взял мужика за шиворот обеими руками и умело стукнул его затылком о стену, как обходился он прежде с австрийскими и турецкими часовыми. После этого он оттащил Вавилу под лестницу, а сам направился наверх.

* * *

Полнотелая луна уже поднялась над селом. Ее свет падал из окон на лестничные ступени и даже освещал коридор, так как двери комнат (кроме барского кабинета) были распахнуты настежь. По всему второму этажу проходила анфилада, позволявшая гостям переходить из комнаты в комнату, однако для слуг существовал коридор, дабы, бегая с подносами, они не мешали гостям. По полутемному коридору как раз и шел Назаров своим давно выработанным шагом, почти не производящим шума. Посередине коридора он остановился, присел и приподнял ножом одну из половиц. Под ней он укрепил лимонку, вынул чеку и привязал веревку к кольцу. Другой ее конец он привязал к дверной ручке запертого барского кабинета. До ближайшей распахнутой двери в одну из комнат было три шага. На обратном пути разрядить ловушку труда не составит, зато теперь никто за спину не зайдет.

Напуганный Вавила не обманул: в конце коридора действительно была узкая деревянная лестница, ведущая на чердак, точнее туда, где в любом нормальном доме был бы чердак. Однако, благодаря стараниям чудака-британца, под крышей находился широкий, хотя и очень низкий коридор, который упирался в винтовую лестницу. Перед ней на табурете клевал носом часовой. При виде Назарова он тотчас вскочил и схватился за винтовку, прислоненную к стене.

– Тихо, – сказал Назаров, плавным движением вынимая пистолет. – Смена пришла.

– Стой, стой! – крикнул парень, бедный батрачонок Лешка, поднимая винтовку. – Караул, товарищи! Бандиты!

– Спокойно, дурак. – Назаровский пистолет был направлен Лешке в грудь. – Жить не хочешь?

Однако Лешка не хотел жить, а хотел исполнить долг часового. Он неумело передернул затвор и навел винтовку на Назарова. Противников разделяло шагов десять, и Назаров, увидев, как Лешкин палец ищет спусковой крючок, понял, что времени у него одна секунда...

Первая пуля отбросила Лешку к стене. Однако он, с пробитой грудью, все еще не выпускал винтовку из рук. Вторая пуля прошла ему голову, и парень вместе со своим оружием опустился на грязный пол.

– Вот дурень, – сказал Назаров, подойдя к нему. – И мне помешал, и для себя сделал глупость. А мог бы жить и жить.

Федор по привычке нагнулся к мертвому телу, но ни гранат, ни пистолета на бывшем бойце не было. Перешагнув через него, Назаров подошел к подножию отвесной лестницы, ведущей в башенку. Там он оставил лампу, которая светила убитому часовому, и через пару секунд оказался наверху. Даже романтическому проектировщику башни не могло прийти в голову, что в ней будут держать пленных красавиц, поэтому комбедовцам пришлось самим приколачивать две скобы, между которыми была вставлена палка, не позволявшая открыть люк изнутри. Назаров выбил ее и, приподняв крышку, одним прыжком очутился в башне.

Перед ним стояла Лариса с доской в руках. Из доски торчал здоровенный гвоздь, который пробил бы любую черепушку.

– Федор Иванович! – крикнула она и обняла Назарова. – Дождалась, знала, что вы придете.

– Времени нет, Лариса, – быстро ответил ей Назаров. – Я всех местных гоблинов всполошил, так что уходить надо поскорее. Вы подскажете, как выйти, если по главной лестнице будет не пробиться?

– По винтовой лестнице надо. Она прямо в подвал ведет.

– Ладно. Там придумаем. Пошли скорей.

И верно, надо было трогаться в путь, так как снизу уже раздавались крики и топот комбедовцев, бросившихся наверх.

* * *

– Банда в доме! – крикнул Сенька Слепак, вскакивая из-за стола. Толпа комбедовцев, матерясь и вооружаясь на ходу, выкатилась из гостиной. Добежав до лестницы, Витька Топоров обо что-то споткнулся.

– А-а! Так это Вавила. Кто тебя скрутил?

– Как там его... ох, башка гудить! Назаров это... который с фронтов возвратился.

Витька еще раз выругался, подхватил винтовку и бросился вслед за остальной толпой. Двое комбедовцев уже намного опередили ее. Поднявшись на второй этаж, они влетели в коридор... который осветила вспышка и грохот, заставивший бегущую толпу замереть на лестнице. Потом все затихло.

– Ребята, что там? – крикнул Топоров.

Ответом была полная тишина, не считая напряженного дыхания затаившихся на лестнице бойцов. Ребята не отзывались.

– В чем дело? – крикнул Витьке подбежавший Слепак. Он был одним из немногих бойцов, потративших время на то, чтобы вооружиться как следует.

– Бомбами ручными, гад, швыряется, – ответил Витька.

– Не бомбами, а бомбой, какую у тебя, дурака, отобрал. Так. Комаров! Возьмешь двух ребят и посмотри, как во дворе. Топоров! Ты хотел до Назарова добраться. Сейчас доберешься. Ты и еще двое, с разбега на площадку и в коридор. Он высунется, а вы его хлопните. Вперед!

Витька Топоров отставил в угол винтовку и достал из кармана браунинг. Затем он подождал двух бойцов. Они передернули затворы, и вот все трое одним прыжком влетели на последнюю лестничную площадку. Они оказались в дверном проеме и увидели в противоположном конце темного коридора человека, на которого падал отсвет из одной из комнат. Этот человек тотчас прыгнул на пол, и почти сразу же прозвучали четыре выстрела из маузера.

У Витьки хватило ума броситься на паркет, правда, с такой поспешностью, что он разбил себе нос. Второй боец подзадержался, но последовал Витькиному примеру и через секунду лежал возле стены, заработав пулю в левое плечо. А вот третий комбедовец на ту же секунду задержался в проеме, стараясь сообразить – куда же делся Назаров и куда теперь надо стрелять. Первую пуля вошла ему в грудь, вторая же – застряла в голове.

Витька Топоров наудачу три раза стрельнул из браунинга, но тут же сам понял – ни одна из пуль и близко не пролетела от Назарова. Что-то шарахнуло о стенку, к которой прижался ухом лежащий Витька. Одновременно с этим он увидел два огонька в другом конце коридора и услышал выстрелы. На одну ладонь левее – тогда бы конец Топору! Рядом с ним шмякнулась о паркет винтовка и послышался короткий стон. Раненый комбедовец, который и лежа пытался возобновить огонь, более в медицинской помощи не нуждался.

Не дожидаясь, пока невидимый противник сделает поправку и выстрелит удачней, Витька перекатился к противоположной стене, вскочил на ноги и рванулся обратно на лестницу. Назаров вслед ему не стрелял, берег патроны.

Федька Мезенцев приподнялся на верхней ступеньке и наискосок выпалил в коридор из винтовки. Пуля вошла в стену где-то посередине коридора, не принеся никому вреда. Немного погодя он повторил тот же опыт еще два раза, пока Слепак, заботясь об экономии боезарядов, не дал как следует ему по шее.

– Витька! – крикнул председатель. – Чего вы назад подались?

– Сам попробуй пройти, – огрызнулся тот, смахивая рукавом кровь с лица. – Иди, иди. Мы потом нового председателя выберем. Может, поумней будет.

Больше ничего обидного по адресу своего командира Виктор Топоров сказать не успел. Ему в шею ткнулся ствол маузера.

– Это я тебя сейчас переведу в могилевскую губернию, – сказал Слепак. – Вам только с бабами воевать. И то вдесятером на одну. Вот как прикажу сейчас тебе Назарова в одиночку пристрелить. Попробуй не пойти.

– Товарищ председатель, – забормотал перетрусивший Топоров, сообразивший, что оказался между двух огней. – Эта курва Назаров там плотно засела. Если на него прямо коридором лезть, то он столько наших положит, сколько у него патронов в обойме. Как-нибудь обойти надо.

– Через крышу, – раздалось сзади. – Или сбегать за керосином да подпалить.

– А нам где жить потом, дубина? – ответил другой комбедовец. – Бомбами его закидать.

– Через коридор? – сказал подошедший Филька Комар. – Как ты докинешь, дубина? – И обратился к Слепаку: – Сеня, во дворе порядок. Только еще один кусковский дурак во дворе валялся. Я его в чувства привел и послал вооружиться, сейчас сюда поднимется. А Колька Савельев в обход пошел, чтобы гад через окно не сиганул.

– Будь он один – давно бы ушел. Но он с бабой. Ей с такой верхотуры не спрыгнуть, – ответил Слепак.

– Значит, суетиться не будем, он там как хорь, кадкой накрытый. Главное, его оттуда так вытащить, чтобы руки были целы. Крышу можно разобрать и на него сверху гранатку сбросить. Или динамиту притащить, еще лучше. Но хлопотно. Сенька, – Комар хлопнул себя по бедрам, восхищенный собственной идеей, – там же из комнаты в комнату пройти можно. Лишь бы только в первую заскочить, а там – вперед, как по главной улице. Ему за коридором и комнатами зараз будет не уследить.

– Ты, умник, первый и пойдешь, – раздалось сбоку.

Сенька Слепак ухватил говорившего комбедовца за рукав:

– А тем товарищам, которые привычку завели в час кровавой революционной битвы языком молот, будет оказана революционная честь: идти в атаку первыми, под угрозой гнева членов нашей сельской ячейки, – сказал Слепак.

– Вот именно, – поддакнул Филька Комар.

«А не послать ли в атаку самого Комара? – подумал Сенька. – А если не пойдет, смогу ли я его заставить?»

Размышления Слепака прервал Витька Топор:

– Слушайте, товарищи, он там чем-то грохочет.

Комбедовцы прислушались. От противоположного конца коридора доносились звуки сдвигаемой мебели.

– Проход заваливает, болван, – шепнул Филька. – Мы его через баррикаду застрелим.

Раздался скрежет, и что-то тяжелое упало на пол.

– Твою мать! – крикнул Филька. В мирной жизни ему доводилось соблазнять барских стряпух и поломоек, поэтому он знал некоторые архитектурные тайны Усадьбы. – Там же лестница, что через весь дом в подвал идет. А ну за ним!

Комбедовцы заколебались, не рискуя броситься в темный проем коридора. Но Сенька Слепак подтолкнул Топора в спину, тот рванулся вперед, и с ним еще несколько человек. На середине коридора Витька споткнулся и растянулся на полу. Через секунду он вскочил, оперевшись обо что-то мягкое, и матюгнулся во весь голос. Под его ногами был труп комбедовца, истерзанный взрывом гранаты и изрубленный осколками.

* * *

За несколько минут до этого Назаров, отразивший первую комбедовскую атаку, стоял у стены, вглядываясь в противоположный конец коридора. Лариса укрылась рядом в маленьком коридорчике, который заканчивался грудой мебельного хлама. Им новые обитатели Усадьбы

планировали топить печи. Рядом с ней на полу стояла лампа, поставленная за сломанный стол, чтобы ее свет не выдавал Назарова.

– Федор Иванович, – сказала она, – что дальше-то будем делать? По винтовой лестнице вниз пойдем?

– Куда она ведет, кроме подвала?

– Вроде бы на первый этаж не выходит. Ее построили только ради украшения.

– Ладно, придется в подвал. Выходить будем оттуда. Попробуйте открыть дверь.

Назаров продолжал сторожить коридор, а Лариса отправилась раскидывать мебель, чтобы освободить подход к двери. Подавляя слезы от страха и непривычной тяжелой работы, она поотодвигала всю мебель, взяла ножку от стула, вставила ее в расшатанную скобу, на которой висел замок, и потянула вниз. Скоба и замок упали со стуком, насторожившим комбедовцев, и дверь открылась.

– Готово! – крикнула Лариса.

– Берите лампу, и вниз. Я следом пойду.

Назаров подождал, пока шаги девушки удалятся, и лишь тогда поспешил за ней. Ему уже однажды приходилось подниматься по винтовой лестнице в польском замке, поэтому он сразу нашел нужный ритм, при котором даже в полной темноте нога переходила со ступени на ступень.

Спуск был долог, бесконечно долог, и если бы не желтое пятно керосинового фонаря, колыхавшееся внизу, Назарову могло показаться, что лестница ведет в невидимую черную преисподнюю. Наконец ступеньки кончились, и в ту же минуту сверху послышался грохот, будто дубиной лупили по толстому металлическому листу. Кто-то пальнул сверху, и пуля несколько мгновений металась в замкнутом пространстве, отлетая от ступенек.

– Лариса, отойдите-ка в сторонку! – крикнул Назаров. Он достал из кармана динамитную пашку, поджег шнур, положил под последнюю ступеньку и подбежал к девушке.

– Гниды, черви навозные! – раздавался сверху хриплый голос приближающегося Виктора Топорова. – Сдавайтесь, все равно не уйти!

В этот момент при свете лампы Назаров разглядел арку, ведущую в соседнюю галерею. Он толкнул туда Барыньку и прыгнул сам.

– Заткните уши, Лариса! – крикнул Назаров, делая то же самое. – И рот откройте пошире. И все равно они чуть не оглохли.

Динамитный удар в замкнутом пространстве – это вам не на концерте спать.

Взрыв сотряс дом и развалил на части винтовую лестницу. В лестничном проеме выросла гора обломков, под которыми остались и тела двух комбедовцев, раздавленные пудами обрушившегося сверху металла.

– Не судьба была тебе поумнеть, мой комбедовский друг, – с неподдельной жалостью вздохнул Назаров. – Зато нас теперь сверху никто из этой шайки не достанет. Лариса, как дальше-то выбираться будем?

– Я помню, как один раз в подвале играла с барским племянником (девушке показалось, что Назаров в темноте пристально посмотрел на нее, и она поспешно добавила: «Нам по десять лет было»). Мы сюда опускались через другой ход. Он, как я помню, был у противоположного крыла.

– Пошли, – сказал Назаров и, вынув маузер из кобуры, пошел подземным коридором, держа Ларису за руку.

Только электрический свет, если бы он когда-нибудь появился в Усадьбе, мог бы показать желающим великолепие подвальных катакомб. Архитектор, видимо, так и не понял, что должна была представлять из себя подвальная часть здания: винный погреб, фамильный склеп или инквизиционный комплекс. Поэтому тот, кто не поленился бы спуститься в рукотворное подземелье, нашел бы там элементы и первого, и второго, и третьего. Через подвал проходил

большой и извилистый коридор, от которого ответвлялось множество небольших каменных закоулков. Разумеется, в барские годы никакого практического применения они не имели: владельцы Усадьбы не позволили бы оскорбить романтическое подземелье бочонками с огурцами и моченой брусникой. Теперь подвал получил такое содержимое, какое строители не могли и представить: пленников, регулярно отлавливаемых комбедом в деревнях. В таких случаях у подвала дежурил часовой. Однако в этот вечер, кроме Ларисы, никого революционная ячейка в заложниках не держала, поэтому подвал был пуст. Лишь запах мочи, донесшийся откуда-то сбоку, показал, что соседний закуток недавно служил импровизированной тюремной камерой.

Через три минуты свет фонаря осветил ступеньки, ведущие наверх.

– Вот и дверь, Федор Иванович. Только она снаружи заперта.

– Придется моим золотым ключиком открыть, – сказал Назаров, вынимая из кармана динамитную шашку. – Главное, нам сообразить, где укрыться.

Лариса, не выпуская из рук фонарь, отошла шагов на десять и увидела арку, ведущую в маленький тупичок. Она махнула рукой Назарову – можно поджигать.

Они прижались друг к другу, и товарищ Назаров, несмотря на грозную суровость текущего момента, вдруг явственно ощутил, что этот момент можно было бы... – да нет! – недурственно было бы и растянуть подольше. Товарищ Назаров не заметил, как прижал к себе девушку чуть крепче, чем следовало.

И она, кажется, что-то прошептала ему...

Но даже если это было и так, взрыв заглушил все прочие звуки.

* * *

Между тем Колька Савельев, как ему и было приказано, прогуливался вокруг дома, ожидая, когда Назаров будет прыгать из окна. Задание это ему очень не нравилось. Колька помнил, как совсем недавно получил от Назарова метлой по мудям, и отлично понимал: после того как комбед сильно обидел назаровских родственников, даже самый сильный удар покажется наименьшей неприятностью, которую можно ждать от солдата. К тому же Колька не был уверен, что попадет в Федора из винтовки, потому как стрелял из нее всего один раз, и то по кошке.

«И чего я тут делаю? – думал Колька. – Другие мужики спят сейчас в родных избах с бабами, а я, как дурак, здесь от бандитов хоронюсь, до рассвета самогон хлещу и охочусь на соседей с ружьем. Пора сеять, а я то с винтовкой, то с гармошкой. Вдруг потом нормальное время вернется, что я тогда скажу соседям? Я сам бы такое другому не простил».

Однако Колька отлично понимал, что этот хомут так просто уже не снять. Дружки-бедняки помогли ему как следует отомстить Козину и особенно его сволочному сынку. Теперь – плати. Пропал добрый молодец. От германской войны по молодости уберегся, в последний военный год не засосала парня мобилизация. Выходит, от судьбы не уйдешь. Дома войну нашел. А что, если Назаров сейчас и вправду на него с верхотуры сиганет?

И Колька покрепче сжал винтовку. «Под окном лучше не стоять. Надо за конюшню зайти, там я хоть в засаде буду».

Колька свернул за угол и лицом к лицу столкнулся с притаившимися там четырьмя людьми. Об их намерениях можно было долго не гадать – все четверо держали винтовки, которые тотчас вскинули к плечу. Благодаря стараниям луны, заливавшей светом двор, Колька успел заметить, что один из неожиданных гостей был Афоня-Мельник.

«Банда явилась. Ох, конец молодцу», – мелькнуло в Колькиной голове.

Однако он испугался не только за себя, но и за прочих комбедовцев, не подозревающих о новой опасности. Поэтому он заорал во всю глотку: «Товарищи! Банда!» – и вскинул винтовку... а может быть, всего лишь попытался это сделать. Его глаза успели увидеть четыре

огонька, а уши – услышать четыре выстрела, но мозг не успел ничего осознать – голова разлетелась на куски. . .

* * *

Вечером, когда короткий ливень до нитки вымочил бандитов в их немудреных шалашах, кулацкий молодняк поднял бунт. Без бань, без теплых перин, без домашней стряпни шастать по лесу надоело. К Козину явилась целая делегация и объявила, что пора возвращаться в родное село. Красножопых – положить на месте, а может, и договориться с ними, даже винтовки им отдать. Красным небось самим надоело торчать в этой Усадьбе, боясь провести ночь в родной избе. Тот же, кому нравится мокнуть, как хряку в луже, пусть остается в лесу.

Козин, как всегда, подавил бунт быстро и бескровно, объяснив малодушной молодежи, что пол в усадебном подвале будет посырей и похолодней лесного мха. Однако он чувствовал, что народ заскучал и требуется какая-нибудь большая затея, а не только унылое патрулирование дорог и посещение окрестных хуторов. Козин предложил прогуляться ночью в Зимино и посмотреть, гостит ли Назаров по-прежнему у дяди. Бандитские командиры боялись узнать, что Назаров, и прежде больше водившийся с беднотой, тоже ночует в Усадьбе. В таком случае к ней подступиться было бы рискованно.

Назарова у Никиты Палыча не оказалось. Тогда ночные гости зашли к Тимохе, а тот, усвоив просьбу Федора, уверил их, что сосед еще не возвращался. Заодно он рассказал гостям и про историю с Ларисой. Это значило, что среди защитников Усадьбы Назарова быть никак не могло. А пьяный вой, доносившийся с вершины холма, свидетельствовал о том, что комбед, по своему обыкновению, решил загулять до утра.

Козин заколебался – начинать ли прямо сейчас серьезную военную операцию. Но кое-кто из молодежи уже высматривал в ночном селе силуэты родных изб. Стало ясно, что, даже не вступив в бой, отряд вернется в лес сильно поредевшим.

– Ладно, – сказал Козин. – Двум смертям не бывать. Всех красножопых под нож. И по домам.

На залитом лунным сиянием лугу, что звался Барский выгон, Козин и Афоня построили свой отряд: полтора десятка мужиков и парней. Те, у кого были штыки, достали их и насадили на винтовки. Тускло, как играющая ночная рыба, блеснула сталь. Козин вынул огромный нож для медвежьей охоты и два раза взмахнул им перед собой, рассекая воздух как саблей.

Вокруг было тихо, только из Усадьбы доносились неумолкающие звуки граммофона и крики пьяных комбедовцев. Погавкивали собаки в Зимино. Вот он, дом, рядом. Рукой подать. А так под родную крышу и не заглянули. . .

Козин перекрестился.

– Ну, с Богом. Пошли. Посмотрим, с чего так товарищи развеселились.

– И чтобы ни один не ушел, – хрипло добавил Афоня-Мельник.

Пройдя полпути, козинское воинство поняло, что в Усадьбе начались новые развлечения. Из барского дома донеслись выстрелы, потом взрыв, потом новые выстрелы.

– Бомбы спьяну швыряют, – сказал Афоня, огладив бороду. – Других забав уже больше не осталось.

– Прямо в доме-то? Нет, братец, это они нам работу облегчили, – ответил ему Козин, поправляя картуз. – Напились и устроили революционный спор. И палят друг в дружку, как в собак. Мы подойдем поближе и подождем. Может, товарищи сами товарищей переухайдакают?

Перед Усадьбой Козин еще раз остановил свой отряд. Это был тот самый момент, когда Слепак и Комаров, затаившись на лестнице, совещались, как добраться до Назарова.

– Афоня, ты с тремя ребятами зайдешь от конюшни и залезешь в окно. Там барская кухня, а сами товарищи сейчас в гостиной. Так что войдете без труда. Я же с остальными дви-

нусь через крыльцо. Дойдем до гостиной и – в ножи. А ты проберись туда коридором, которым холюи блюда при барине носили. Зажмем эту сволочь с двух сторон. До тех, кто по второму этажу шатается, потом доберемся.

Кулаки разделились на два отряда. Афоня, подбиравшийся к Усадьбе со стороны конюшни, первый вступил в бой, ухлопав Кольку Савельева. Козин кинулся со своими к крыльцу. Однако врываться в дом он сразу не стал, так как услышал топот в прихожей, и приказал взять входную дверь под прицел. Двенадцать стволов винтовок и ружей уставились в темный проем.

На крыльцо вылетели двое комбедовцев. Первый из них не успел понять, что же произошло, как десяток выстрелов с расстояния в пять шагов сбросили его со ступенек. Но второй, прикрытый корпусом погибшего товарища и раненный мелкой картечью, успел ударить из своего карабина в толпу, сгрудившуюся возле крыльца. Единственная пуля, которую он успел выпустить, даром не пропала – один из козинских пареньков завертелся юлой и опустился на гравий.

Козин, не любивший винтовки и предпочитавший простые охотничьи ружья, выпалил в лицо комбедовцу из второго ствола, заряженного волчьей картечью. Комбедовец выронил карабин и свалился с крыльца, а мужик, стоявший ближе всех к нему, с размаху приколол его штыком.

– Гришка, – крикнул Козин, – швыряй гранату!

Гришка, потерявший днем дрянное ружьишко, выданное взамен утерянной винтовки, до вечера ходил безоружным, пока Козин не сжалился над малым и не отдал ему единственную гранату, валявшуюся у бандитов без всякого употребления. Ребятки фронта не видели, взрослые заводилы его тоже избежали, поэтому в кулацком войске считалось: граната для того, кому выпало ее кинуть – опасней, чем для врага. Все избегали зловещей ручной бомбы, пока не появился проштрафившейся парень. Гранатометчик-Гришка весь этот вечер был рядом с Козиним, ожидая команды метнуть ее во врага.

Когда наконец-то команда последовала, Гришка совершил обычную ошибку тех, кто кидает гранаты первый раз. Он кинул ее быстро и метко, прямо в глубь коридора. Только чеку не выдернул.

Ребята простояли возле крыльца около минуты, но взрыва в доме так и не последовало. Тогда они кинулись к дверям.

Эта минута дорого обошлась нападавшим. Комбедовцы поняли, что на крыльцо выскакивать гиблое дело, и открыли огонь из прихожей, а также из окна лакейской комнаты. Невоевавшая кулацкая ребятня сразу не сообразила, что в таких случаях надо бросаться на землю и как можно скорей отползть из зоны обстрела. Хмель у бойцов Слепака еще не прошел, винтовки дрожали в руках, но отряд Козина все равно недосчитался двух человек. Одного парня уложили наповал, а другой корчился на земле с пулей в животе. Остальные отскочили шагов на десять. Кто лег, а кто продолжал стрелять стоя.

– Где сволочь Афонька? Чего он им в спину не заходит? – взревел Козин, ловко отползая из зоны обстрела.

В эту минуту произошло событие, значение которого кулаки так и не поняли. Из дальнего крыла здания донесся грохот взрыва. На него комбедовцы внимания не обратили.

Банду спас козинский сынок Ванюша, не имевший предубеждения против гранат. На досуге, устав резаться в дурака, он соорудил самодельную примитивную бомбу – плотно набил крупнозернистым порохом обычную коробку из-под леденцов. Он мечтал дождаться безлунной ночи, дойти до Усадьбы и швырнуть свое изобретение в окно, да тятя не разрешал. Теперь, когда Гришка позорно провалился, можно было пустить придумку в ход.

Ванюша поджег пропитанный керосином фитиль, подбежал к крыльцу и швырнул бомбу подальше, в коридор. Парень не знал, что главный эффект при употреблении гранаты – не

взрывной, а осколочный. Разумеется, его самопальная бомба никого до смерти не поубивала, но ее психологическое действие было сравнимо с тем, как если бы в доме разорвался артиллерийский снаряд. Яркая вспышка осветила первый этаж чуть ли не до гостиной и ослепила комбедовцев.

– Режь гадов! – заорал Козин. Он одним прыжком вскочил на крыльцо, влетел внутрь и не глядя ударил из обоих стволов по ближайшему противнику, поднимавшемуся после недавнего взрыва. Комбедовец согнулся, уперевшись руками в живот, а Козин перехватил ружье за стволы и обрушил на него сверху приклад, как будто вколачивал сваю.

Вслед за ним в дом ворвались остальные бандиты. В прихожей было гораздо темней, чем во дворе, поэтому они сперва двигались на ощупь. Внезапно темноту разрезал выстрел. Комбедовец, стрелявший из окна лакейской каморки, вернулся в прихожую и в упор пальнул по толпе. Ванюша Козин рухнул на пол с простреленной навывлет грудью. Стоявший поблизости парень разнес комбедовцу выстрелом голову. Больше вокруг красных видно не было.

– Как же так, Ваня? – тихо сказал Козин над бездыханным телом сына. Затем, размахивая ружьем, приклад которого был испачкан чем-то склизким, он заорал: – Всю сволочь раскрошить! Вперед!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.